

№ 2 (16), май 2017

Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Перед Вами громада — русский язык!

Н. В. Гоголь

...Настоящий, сильный, где нужно — нежный, трогательный, где нужно — строгий, где нужно — страстный, где нужно — бойкий и живой язык народа.

Л. Н. Толстой

Язык есть исповедь народа,
Его душа и быт родной.

П. А. Вяземский

Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Именно поэтому изучение и бережение русского языка является не праздным увлечением от нечего делать, а насущной необходимостью.

А. И. Куприн

На столе моем книги,
Много радостных книг!
Их открыл мне учитель —
Мудрый русский язык!

Этибор Ахунов

ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Василий Иванович Белов в статье «Спасем язык — спасем и Россию» писал: «Говорить об исключении иностранных из нашей лексики вполне правомерно. И нечего этого бояться. Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. Безжалостно выбрасывать. А нам прививают намеренно эту лексику. Уничтожение русского языка идет одновременно с уничтожением русского народа». (<http://www.pravoslavie.ru/45073.html>).

Стараются и усердствуют в черном деле истребления русского языка наши вечно самодовольные и одновременно безграмотные «средства массовой дезинформации» и чинуши из всеми презираемого министерства образования.

О глашатаях и проводниках так называемой «глобализации» говорить не хочется — они сами говорливы без меры и без совести. А вот о деятелях «просвещения», оглуляющих народ, надо сказать особо.

Заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, профессор Всеволод Троицкий раскрывает «секрет Полишинеля»: «Из прежних программ средней школы по русскому языку на определённом этапе, как известно, были выброшены разделы (вдумайтесь: каково!): «Богатство, красота, выразительность русского языка», «Роль церковнославянского языка в развитии русского языка», «Однокоренные слова», «Этимологические словари русского языка», «Основные толковые словари русского языка», «Принципы русской орфографии», «Орфографические словари» и проч... **Русскую литературу** в школе «сократили», и по содержанию и по количеству учебных часов, под стать программам школы колониальной страны, **сократили так, чтобы народ** (в массе) **не владел** свободно русским литературным языком, как это по преимуществу было в лучшие для школы годы XX века». (Всеволод Троицкий. Слово и филологическое образование: пути восстановления // *Русская народная линия*, 16.02.2017).

Увеличили часы... на физкультуру, а еще добавили... второй иностранный язык!..

В какой стране мы живем? Или теперь Трамп — наш президент?

Мы давно и безвылазно барахтаемся в болоте чужестранной лексики. Роберт Балакшин сокрушается: «Вместо слова «наблюдать» говорят «мониторить». Даже появилось уродливое словосочетание «служба мониторинга». Дистрибьютор — посредник. И короче, и красивей, но привыкли, да и модно, все так говорят. Дайвинг — ныряние. Саммит — встреча. Дилер — посредник, перекупщик. Кастинг — отбор. Фанат — болельщик.

Ментальность — сущность. Тренд — основные направления в моде, культуре, искусстве.

Доходит до смешного... На экране телевизора появился важный чин, и на вопрос корреспондента ответил: «Царскосельский лицей — это наш бренд». (<https://literator35.ru/2016/10/тема/роберт-балакшин-начинается-все-сло/>).

Сергей Созин пишет: Я такой же, как все... Терпеливый... Но... до поры — до времени...

«Отличился» «рупор» Департамента культуры «cultinfo.ru» («Культура в Вологодской области»). Цитирую дословно: «Городской градозащитный квест, посвященный истории Вологды во время Великой Отечественной войны, пройдет 22 июня 2014 года».

Посмотрите на афиши с программой фестиваля «VOICES»: названия с английского даже не переводят... Цитирую выступление Владимира Путина на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству: «*Надо избегать излишней латинизации. Когда, например, мы в регионы едем — сразу виден уровень чиновника. Если все в латинских вывесках... Мы в какой стране живем-то?..*»

Мэрия Череповца, к очередному Дню города, выпустила праздничный буклет «ЧЕРЕПОВЕЦ горячее сердце русского севера» (орфографию, синтаксис и морфологию названия оставляю на совести редактора и корректора)... Заголовок вступительной статьи: «Основным драйвером развития современного общества является человек». Ну, как перл?! И этот «драйвер» буквально преследует читателя буклета. Хочу вас спросить, как драйвер драйверов: «Не надоело вам издеваться над родным языком?!..» (http://ruskline.ru/analitika/2016/05/30/oni_vybirayut_kvest/).

“НЕ НАДО ПАНИКИ — ЯЗЫК САМ ОЧИСТИТСЯ ОТ ПЕНЫ!” — на весь мир вопит профессор-филолог, — возмущался Василий Белов. — Не верьте доктору филологии!»

И правда, многие до сих пор считают, что язык «сам себя спасет». Другие исследователи, наоборот, уверены, что «русское словообразование стало невозможным и прекратилось. Способность усваивать иноязычные слова, нарастающим мутным потоком вливаемые в русский язык, урезана и продолжает сокращаться». (Вадим Рыбин. Как возродить русское словообразование // *Русская народная линия*, 15.02.2017).

Думается, язык наш — как море, он очищает себя только до определенного предела, до точки засорения, после которой помочь ему сможет только весь народ.

Ю. Максин подтверждает: Моё поколение ещё помнит речь бабушек — русских крестьянок, родившихся до революции. При невеликом образовании, всего в несколько классов церковноприходской или земской школы, а то и вовсе без оно, речь их была образной, а по нынешним временам так и высокохудожественной, потому что их словарный запас намного превосходил лексикон многих современных популярных авторов, пишущих на русском вроде бы языке». («Вологодский литератор», апрель 2015, С. 1).

Людмила Яцкевич в статье «Это хищное слово «проблема» пытается найти замену набишему оскомину слову: «Вопрос, дело, загадка, задание, задача, затруднение, осложнение, переделка, переплет, положение, препятствие, рана, трудность, засада. В разговорной бытовой речи, как известно, даже и такие словечки используются: закорючка, загвоздка, закавыка, закавычка, заковырка, заколупка, заморочка, сложнячка...» (*журнал «Берега»* (№ 2 (14). 2016).

Только кто из властных лиц её будет слушать? Помнится, Василий Иванович Белов лет пятнадцать назад штрафовал нас за употребление слова «проблема» на десять рублей. Помогало...

А сейчас штрафы от издевательств над людьми и языком не спасут. Спасут только возвращенные народу власть и собственность. И этот день не за горами.

В. БАРАКОВ

Навис над Родиной туман,
Ни переправы и ни волока,
Москва сдана, и Питер сдан,
Но есть еще в России Вологда.

...Тебя не взяли на крючок,
Не провели, не объегорили,
Величиною с пятачок
Земли российской территория.

И я, как Ваня-дурачок,
Оставив игры беззаботные,
Борюсь за этот пятачок,
Чтоб никогда его не отняли.

Иван СТРЕМЯКОВ
(Санкт-Петербург)

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Вопросы, поднятые тверским писателем Валерием Кирилловым, злободневны для многих регионов России, а его «Взгляд из русской провинции» отражает те же процессы, что активно происходят сегодня и на Вологодской земле.

ИЗВЕСТИЕ о том, что в стране действует сеть «воспитателей», приобщающих подрастающее поколение к уголовной субкультуре, обеспокоило политиков, государственных деятелей. Владимир Путин заявил, что делает все для защиты молодежи от этой «культуры». Раньше, на заседании Госсовета и Совета по культуре, Президент осудил попытки Запада навязать другим странам чуждые им образ жизни и систему ценностей, высказавшись в поддержку сохранения каждым народом своей самобытности.

Но ведь субкультура хозяйничает в России много лет. Почему об этом говорили только сейчас? Почему до слов Путина хранили молчание те самые политики, что вдруг прозрели? Или не били во все колокола обласканные властью орденоносные деятели культуры? А сейчас голоса в защиту традиционных ценностей перебиваются требовательными криками из стана: «Свобода творчества!», «Толерантность!»?

Между тем свобода без ограничения — это анархия, а толерантность — раздвоение сознания, свойственное шизофренику. «Раздвоение порождает разврат. В нем теряется целостность. Целостность есть целомудрие. Разврат же есть раздвоенность», — писал в работе «Миросозерцание Достоевского» обладающий чуткой духовной интуицией Н. А. Бердяев. Эти его слова в наши дни, кажется, злободневнее, чем прежде. Разврат есть главное орудие борьбы «наших партнеров» и «пятой колонны» против русского мира.

В сущности, трудно провести грань между субкультурой и насаждаемой в России с начала 90-х, превратившейся в гигантский бизнес, массовой псевдокультурой. Это — явления одного порядка, с которыми мы сталкиваемся каждый день.

Главный проводник растления и разврата — телеящик. Изюм дня в день транслирует он склочные «паноптикумы» Малахова, Гордона, кривляющие пересмешников, бессмыслицу попсовых песенок, жестокость дебильных боевиков, грядущие катаклизмы, угадки затейников, советы экстрасенсов и актеров-стругальщиков морковки, мусор из дешевых сенсаций...

Моя 90-летняя тетушка Наталья Кирилловна, глядя на это, горестно вздыхала и била в корень:

— Анчихристы одолели.

Затем добавляла:

— Помяни мое слово: русские все равно побьются...

А что за «писатели» в почете? Завсегдатай телеэкрана Дарья Донцова наштамповала массу субкультурных «произведений» с названиями «Покер с акулой», «Обед у людоеда», «Маникюр для покойника», «Канкан на поминках», «Гадюка в сиропе»... Читайте, люди! Это то, что вам нужно, вместо Достоевского, Пушкина, Толстого, Распутина!

Кинолибералы также отформатировали под свое нутро. О том, какие герои, помимо Мишки Япончика, Соньки Золотая Ручка и батьки Махно, предлагаются «лузерам», говорят названия фильмов: «Нюхач», «Балабол», «Шакал», «Паук», «Мусорщик», «Гастролеры», «Парфюмерша», «Домработница», «Гадалка», «Челночницы». А сколько ненавистнической лжи и мерзости в «Штрафбате», «Сволочах», «Тальянке»...

Впрочем, эта продукция составляет малую толику от общего потока. Пом-

нится, в телепередаче «Право голоса» на ТВЦ завязалась дискуссия о том, как на основе культуры способствовать сближению народов России и Украины. Когда коснулись кинематографа, участник дискуссии с украинской стороны В. Ковтун воскликнул:

— Какое кино, господа, если у вас в России восемьдесят шесть процентов сбора в прокате дают американские фильмы?!

За кого «воюют» в России эти фильмы? За Америку, против русских.

«Из дыма вышла саранча...»

С проводниками либеральных «ценностей» вроде бы пытаются бороться. Так, страстно клеймит их в своей передаче «Бесогон» на ТВ-24 Никита Сергеевич Михалков. Возможно, кого-то из «бесов» ему удастся изгнать. Но изгнание отдельных «бесов» не означает слома всей сатанинской матрицы. Она же держится крепко.

Валерий КИРИЛЛОВ

«НАМ НЕЛЬЗЯ ЭТО ПОТЕРЯТЬ...»

Взгляд из русской провинции

Высокие проценты по кредитам сдерживают развитие производства.

Сотни миллиардов долларов перегазуются «новой элитой» за границу.

Тихой сапой внедряется ювенальщина.

Режиссеры-извращенцы под вывеской «свободы творчества» продолжают уродовать русскую классику.

На фоне восторгов в связи с назначением православного министра образования, в школах сохраняется ЕГЭ и не остановлен пилотный проект «Teach For All» (в РФ — «Учитель для России»), в соответствии с которым уже со школьной скамьи у нас готовятся агенты влияния Запада.

Писатели-почвенники остаются во внутренней эмиграции, а пространство русского языка сужается, ибо он вытесняется из школьных программ и эстрады в угоду английскому.

Почему любимые нами, русскими, песни на украинском, белорусском языках не звучат на российских телеканалах, а в музыкальных конкурсах, в том же «Голосе», на «Евровидении» и даже на «Славянском базаре» русские исполнители поют на английском?

Достаточно послушать речь «элитчиков», чтобы убедиться, какой язык им ближе: бренд, фейк, ремейк, провайдер, праймериз... Телевизионный чиновник вещает с умным видом: «Мы видим тренд, что востребован русский контент». Легло народу на душу, что по России и Украине прокатилась волна исполнения русских и украинских песен. Но называется это «флеш-мобом». Организаторы даже не задумываются над тем, насколько не вяжется это чужеземное слово с проникновенной сердечностью русских и украинских песен. А ведь еще В. Г. Белинский писал: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».

В результате этой неустанной работы, как отмечает автор публикации на сайте gusvesna.ru Владимир Лепехин, «массовый индивид все больше программируется на действия в параметрах и диапазонах, исключая суверенное и осмысленное поведение». На выходе должен получиться нужный

глобализму космополитичный, с манипулятивным сознанием и антихристианским мировоззрением «человек будущего».

Обывателю неведомо, что «скульпторы» используют при этом изощренные приемы, например, нейро-лингвистическое программирование, положенное в основу «Окна Овертона». Технология названа по имени ее изобретателя Джозефа П. Овертона, вице-президента центра общественной политики Mackinac Center. Овертон погиб в авиакатастрофе в 2003 году, но дело его живет. О том, что оно собой представляет, популярно рассказал в исследовании «Технология уничтожения: «Окно Овертона». И противостояние дегенерации» Кирилл Мямлин:

«Эта модель показывает, как совершенно чуждые обществу идеи были поданы из канализации общественного презрения, отмыты и, в конце концов, законодательно закреплены. Овертон показал, что для каждой из самых не-

возможных идей, в обществе существует т. н. «окно возможностей».

В его пределах, идею могут (или не могут) широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно двигают, меняя тем самым веер возможностей, от стадии «немыслимое», т. е. совершенно чуждое общественной морали, полностью отвергаемое до стадии «актуальная политика» (как уже широко обсужденное, принятое массовым сознанием и закрепленное в законах)...

По словам Мямлина, технологии смены общественной морали весьма тонкие. Эффективными их делает последовательное, системное применение и незаметность для общества-жертвы самого факта воздействия.

Эффект налицо. С помощью «Окна Овертона» в России создано огромное количество «обманок»: — псевдописателей, псевдорежиссеров, псевдополитиков, псевдоученых, псевдолитературы, псевдоистории, псевдoleкарств и т. д.

Здравый смысл подменяется абсурдом. Растлители оценивают, что есть нравственно, а что — безнравственно. Фальсификаторы истории борются с ее фальсификацией. Коррупционеры — с коррупцией. Профессионализм ничто.

Главное — корпоративная солидарность, нацеленная на выполнение воли мировой закулисы и гарантированное этим личное благополучие дельцов.

Все это усиливает в православном человеке эсхатологические ощущения, заставляя его вспомнить предостережение из «Апокалипсиса»: «Из дыма вышла саранча... Лица же ее как лица человеческие».

Тверские бренды

За примерами «смены морали», подмены смыслов ходить далеко не надо. Приглядевшись, они — рядом с нами. Участвуя в «круглом столе» преподавателей и студентов филологического факультета Тверского госуниверситета, услышал от человека, которого в 90-е принимал на работу в «Тверскую жизнь», ныне редактору районной газеты, назидание студентам:

— Никогда и ничего не делайте без денег!

А как же честь, достоинство, бескорыстие? Наверное, эти понятия для него уже не существуют, и он как должное воспринимает то, что коммерциализация исковеркала, убила в Твери патристическую журналистику.

Зато нет никаких финансовых трудностей у газет областной администрации и Законодательного Собрания. Правда, денежная мотивация резко контрастирует с их блеклым содержанием. Со страниц «Тверской жизни» и «Тверских ведомостей» не веет духом корневой русской жизни, они лишены аналитики, острого взгляда на тверские проблемы. Особенно старательно обходят тему борьбы с коррупцией, почти не защищают традиционные ценности.

В этом году в Калезине прошла третья конференция Международного общественного движения «Русское Собрание». Участвовали писатели, священнослужители, ученые, деятели культуры из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Твери, Калуги, Краснодара... «Тверская жизнь» и «Тверские ведомости» эту конференцию, как и две предыдущие, проигнорировали. А ведь сколько приехало сюда интересных, известных людей — русский писатель Владимир Крупин, профессор, известный педагог В. Ю. Троицкий, кинооператор, друг Василия Шукшина А. Д. Заболоцкий...

Инициатор проведения конференций и многих других мероприятий, направленных на защиту традиционных ценностей, руководитель регионального отделения «Русского Собрания», глава Калезинского района К. Г. Ильин, надо думать, не в последнюю очередь за свою патристическую позицию, неоднократно подвергался провокациям со стороны влиятельной криминальной группировки. Видимо, не будет легкой жизни у руководителя передового муниципалитета области и впредь.

А пока не прекращаются попытки придумать бренды тверской земли. Ранее сообщалось о «чудище» в озере Бросно, о «Кашее Бессмертном» в Старицких пещерах. Не прижилось. Зато автора «Владимирского центра» «раскрутили» настолько (при поддержке общероссийских СМИ), что тверская «новая элита» установила ему массивный бронзовый памятник. Наравне с князем Михаилом Тверским, Михаил Круг занесен в число выдающихся земляков, превратившись в пример для подрастающего поколения. Кажется, в Новосибирске школьники отнесли «Владимирский централ» к числу наиболее известных им песен. Поют, сердешные, глупо разменивая драгоценное время на то, смысл чего, надо думать, не понимают.

Поймут, возможно, позже, если вдруг «пойдут по этапу», будут «банковать», играя в «очко» и внимать рассказам бывалых сидельцев о «воре в законе», которому, говорят, и посвящена эта песня...

После эпопеи с Кругом в Твери взяли «брендировать» поэта-песенника Дементьева. В центре города вывесили его огромный портрет с подписью «Андрей Дементьев — гордость земли Тверской!». Часть общественности возмутилась — возмутилась — в том числе и потому, что фамилия обласканного советской властью поэта значилась под «Письмом-42х», призывающим Ельцина к расправе над защитниками Конституции в 1993-м. В письме они назывались «красно-коричневыми оборотнями» и «тупыми негодями». Портрет сняли, будто бы по указанию губернатора (теперь уже бывшего) А. В. Шевелева. Не допустил Андрей Владимирович Шевелев и создания в Твери музея современного искусства Марата Гельмана. А вот воспрепятствовать «подарку», обещанному Дементьеву предыдущим губернатором, Шевелев не смог. В итоге

• Окончание на 3-й стр.

• Окончание. Начало на 2-й стр.

появился «Дом поэзии Андрея Дементьева», где для земляка предусмотрены кабинет, комната отдыха, а также комната отдыха для его гостей. «Памятник славолобию» обошелся бюджету в 78 миллионов рублей.

Открытие «дома» сопровождалось пропагандистской кампанией, лейтмотивом которой было утверждение: «Тверь превратилась в столицу мировой поэзии». Увы, тверское писательское сообщество измеляло. Власть периодически обнаруживает в нем «выдающихся», ублажая их тщеславие премиями, почетными званиями, но это от лукавого. Бывший тверской вице-губернатор М. Е. Салтыков-Щедрин, наверное, не раз перевернулся бы в гробу, узнай, за какие «литературные труды» в иные годы присуждались в Твери премии его имени.

Начало деградации тверского литературного пространства было положено еще в 90-е расколом областной писательской организации. Помню, как, редкозубо ощерившись, один из литераторов, видимо, вдохновленный расстрелом Дома Советов, кричал мне в лицо:

— Вы нас никогда не победите!

Другой — голосом судьи, выносящего приговор, заключил:

— Вы — сошедшие с круга!

Все это укладывалось в рамки общероссийского процесса. С «круга» было сведено, как «неформатное», все почвенническое, национально ориентированное направление русской литературы, оказавшееся чуждым либералам с писательскими билетами. Ныне, чтобы стать признанным писателем, получать «букеры-пукеры», «национальные бестселлеры», доступ к ТВ, надо быть антисоветчиком, отказаться от традиционных основ русской культуры, от социального сострадания к русскому народу.

Куда несётся нерусь

Если бы речь шла только о СМИ, литературе, кино, русском языке! Носители либерального мировоззрения не оставляют места «на круге» истории русскому человеку! Это подтверждается их высказываниями, приведенными Андреем Фёдоровым в статье «Нерусь, куда несешься ты?» в газете «Завтра».

Игорь Юргенс, профессор ВШЭ:

«России мешают русские — основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет... Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше чем личность... Большая часть (народа) находится в частичной декавалификации... Другая часть — общая деградация».

Артеми Троцкий, рок-журналист, музыкальный критик:

«Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта. Когда я вижу их — начиная от ментов, заканчивая депутатами, — то считаю, что они, в принципе, должны вымереть... На самом деле, этой породы мне совершенно не жалко».

Дмитрий Быков, журналист, участник проекта «Гражданин поэт»:

«Большая часть российского населения ни к чему не способна, перевоспитывать ее бессмысленно, она ничего не умеет и работать не хочет. Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спать или вымереть от старости, пичкая соответствующими зрелищами». Недавно «доброжелатель» по приглашению газеты «Караван» выступал в Твери.

Мысли «первосортных» созвучны известным рассуждениям Троцкого (Бронштейна):

«Мы должны превратить ее (Россию) в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию,

какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами».

Если мы выиграем революцию, раздадим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма, и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...».

Гитлер, пойдя дальше Троцкого, уже не рассуждал, а дает директиву Розенбергу о введении Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г.): «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна ... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек — это наш будущий враг. Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью...».

Русский человек перед ними виновен уже по определению. Судя по заявлениям ряда западных лидеров, их отношение к России мало чем отличается от расистских взглядов тех, кого советский народ разгромил в 1945-м.

Есть у них — общая с предшественниками черта. Они скверно учат, или вообще не учат, уроки истории, иначе вняли бы предостережению Александра Блока:

Виновны ль мы — коль хрустнет ваш скелет

В тяжелых, нежных наших лапах?

«Неформатные» люди

Есть в современной общественно-культурной жизни, конечно же, и доброе, чистое, патриотичное.

Собирают полные залы русские левицы Смольникова и Петрова, Кубанский казачий хор. Не умолкает заволакинская «Играй, гармонь!» Издаются исторические труды Олега Платонова и других патриотических авторов. Выходят «неформатные» «Русский дом», «Русский вестник», «Наш современник». Ставятся в областных центрах, в добрых традициях русского театра, спектакли.

Поклевала «саранчу» «Синяя птица» на втором государственном телеканале. Не меньший отклик в народе находят конкурс «Щелкунчик» и «Романтика романа» на телеканале «Культура». На ОТР люди с интересом смотрят «Большую страну» и «Прав! Да?». Много поучительного дают «Консервативный клуб» и «Русские судьбы» на «Спасе»...

Что особенно настраивает на оптимистический лад, так это русская провинция, где масса подвижников русской культуры. Униженная, ослабленная, она не сдалась. Именно здесь находится передний край борьбы за нравственное выздоровление России.

Кому в столице ведомо, что в Андриполе построен не на бюджетные деньги, а на личные «Дом искусств»? Жительница поселка Бобровец — Наталья Сергеевна Манежева, потратила на него средства, вырученные от продажи квартиры в Москве, но не увидите вы на нем вывеску «Дом искусств Натальи Манежевой». Теперь в этом доме (с залом на 120 мест) бесплатно выступают столичные музыканты, певцы, со многими из которых Манежева лично знакома. Сама

она — опытная вокалистка, брала уроки у педагогов, воспитавших исполнителей мирового уровня.

А сколько людей, подчас с очень интересной судьбой, спасающих наши деревни. словно бы сам Господь посылает их ради этого.

Обезлюдевшее Козлово Село приглянулось ученым Курчатовского ядерного центра. Они приобрели и восстановили 11 крестьянских изб. Одним из спасителей был Николай Николаевич Кузнецов, сын легендарного адмирала, Героя Советского Союза Н. Г. Кузнецова. Жизнь получившего опасную дозу радиации в Чернобыле патриота безвременно оборвалась, но привязанность к этим местам сохранила его супруга — доктор исторических наук Раиса Васильевна Кузнецова.

Проезжая мимо почти умершей деревни Боталы, видишь, что и она удержалась. Начало ее сохранению положил флаг-штурман Жуковского испытательного центра, летчик-фронтовик, полковник в отставке Евгений Алексеевич Димаков. За испытание «Антея» он был удостоен ордена Ленина.

Деревню Аристово сохранили, построив в ней дом, бывший главный инженер крупного стройтреста Евгений Алексеевич Мельников и его супруга Жанна Петровна. Любопытно, что Евгений Алексеевич был двукратным чемпионом СССР по регби, играя за клуб «Фили», а сейчас проявляет себя искусным резчиком по дереву.

Что притянуло его в провинцию?

— Здесь русский дух, здесь Русью пахнет, — отвечает Евгений Алексеевич. — Нам нельзя это потерять...

Либералам представляется, что эти люди «архаичны», подвержены «рецидивам советского прошлого» и «химерам нашей ментальности». Но поговоришь с «архаичными» — словно живой воды напиться из глубины русского духовного родника. И, отбросив невеселые думы, к которым побуждает российская действительность, проникнешься оптимизмом, окрепнешь верой в то, что одолеет Россия-мать все свалившиеся на нее невзгоды, а ее саму, как и прежде, никому не одолеть.

Из малого выстроится большое

Как же наладить, выстроить российскую жизнь, чтобы не только не потерять, но и умножить все то, что еще держит ее нравственный строй, совместить здоровые энергетические потоки, идущие сверху и снизу?

Прежде всего, нам, русским, следует обратиться к себе, не уповая исключительно на власть. Сколько угодно можно костерить в хвост и в гриву чубайсов, кудриных и грефов, но их известная суть от этого не изменится. А вот изменить себя русский человек может, если он крепче ополчится на испытанные традиции своих предков.

Русскому мужику надо перестать ездить в столицы и стоять там с палками у турникетов, охраняя богатства нуворишей, винить во всем плохом исключительно власть, а, обратив взор на себя, возвращаться к родной земле.

Да, «демократы» превратили ее в товар и для покупки даже клочка в десять-пятнадцать соток, приходится участвовать в аукционе. Но ведь есть и другой путь — покупка оставшихся старых домов с приусадебными участками. Покупай за символические деньги, ремонтируй. Требуешь от власти сделать дорогу, провести электричество, там, где его нет. Объединяйся в общину с такими же, как и ты, вчерашними стояльцами у турникета (их у нас, как пишут СМИ, не меньше полутора миллионов) или шабашниками.

Без чиновника, понятно, не обойтись. Он выписывает разрешительные бумаги, может дать толковый совет,

чем-то поспособствовать в обустройстве.

Но в первую очередь полагаться следует на свои трудовые руки. Глаза страшатся, а они делают. Смотришь, из малого, кирпичик к кирпичику, не сразу, но выстроится общими усилиями большое — системный уклад, соответствующий русскому устроению и мироощущению. Общинный опыт частично кое-где уже появился. Если кто-то скажет, что это патриархальная архаика, консерватизм, невосприимчивость к новому, в чем упрекают русского человека либералы, не следует впадать от этого в душевные муки и стараться «исправиться».

Для либералов продуктом давно стали информационные технологии и спекулятивные барыши. Они — процентщики по сути своей. Но информационными технологиями хлеб и молоко не заменишь, а спекуляция развращает русскую душу. Речь в принципе идет не об отказе от современных технических достижений, а о том, что важно видеть, ощущать грань, за которой начинается бездна электронного концлагеря, куда стремится загнать русского человека глобалистская «новая элита».

Чаше всего община рассматривается с точки зрения коллективного хозяйствования (я тоже попытался это сделать в предыдущей публикации). Но она еще и воспитатель. Как известно, основа всякого воспитания — воздействие на интерес. Воздействие алчностью — опускает человека в низменное. Воздействие айпедом и айфоном порождает примитивного космополита, бездушно-го рационалиста, ориентированного на виртуальные «ценности». Воздействие коллективным трудом на земле — возвышает, одухотворяет, делая человека цельной личностью, патриотом.

Ничто подлинно талантливое, национально значимое не возникает без духовного единения творца с родной почвой. Без этого не появились бы в России Мусоргский, Прокофьев, Свиридов, Шолохов, Твардовский, прославленные сталинские маршалы, отважные покорители космоса.

Как-то разговорились на тему патриотизма с руководителем столичной телевизионной группы, приехавшей, как выяснилось, снимать придуманное «бросненское чудище».

— Для меня нет разницы, кто первым полетел бы в космос — Гагарин или француз, — безапелляционно заявил телевизионщик.

Таких «граждан мира» в российских СМИ — воз и маленькая тележка. Никакие доктрины информационной безопасности не защитят Россию от внешнего пагубного воздействия, если носители пагубы осуществляют практическую информационную политику внутри страны.

Иногда подумается: не наступит ли вдруг такое время, когда обитатели Рублевки сочтут за благо иметь где-нибудь в русской глубинке простую избу с дровами и родником поблизости? Прозреют и не пожалеют на возрождение русской деревни заработанных капиталистическим усердием миллионов и миллиардов. Но это, скорее, из области фантастики. Жить так они в большинстве своем не способны. А потому, в случае чего, двинут на Запад, к своим «запасным аэродромам». Тем, кто накрепко связал свое будущее с Россией, тоже надо двигаться. Только в ином направлении — к массовому раскрепощению русского национального самосознания и созиданию.

г. Андриполь, Тверская область

(http://ruskline.ru/analitika/2017/01/27/nam_nelzya_eto_poteryat/).

Р. С. Публикуется в сокращении

ВОЛОГОДСКИЕ ПОЭТЫ О ВОЙНЕ

БУДЕТ РОССИЯ
ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Сергей ОРЛОВ

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.
А щель узка, края черны,
Летят в неё песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предмestia Вены и Берлина.

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть,
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первый губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

Александр ЯШИН

* * *

Что нам тысячи километров!
Имя вслух мое назови —
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховой,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

Владимир КАЛАЧЁВ

ТВОЁ ПИСЬМО

Конверт в пыли
И почтальон в пыли.
И счастью этому еще не верю,
Как будто жизнь вторую принесли
С твоим письмом
На нашу батарею.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Обычно к ночи вызывал комбат.
— Участок разминировать вот здесь, —
На карте мне показывал квадрат.
Я отвечал ему негромко: — Есть!..

Мы шли то луговиной, то леском,
Потом в окопах хлюпала вода.
И вот одним решительным броском
За бруствер,
в ночь,
незнамо и куда.
Здесь в каждой кочке притаилась смерть,
Здесь каждый камень разгляди в упор.
Цветам — не верь, самой земле — не верь:
Однажды ошибается сапер!..
Но если я ночами проходил
По этим самым гибельным местам,
То, значит, очень землю я любил
И доверял её простым цветам.

Михаил СОПИН

1941

Ни седоков,
Ни окриков погони —
Видений бег?
Сквозь лунный хуторок
В ночное поле
Скачут,
Скачут кони
В ночное поле.
В призрачность дорог.
Вбирает даль,
Распахнутая настезь,
Безумный бег,
Срывающийся всхлип.
Им несть числа!
Ночной единой масти
Исход коней
С трагической земли.
Багровый свет —
То знаменье иль знамя?
Предвестный свет
Грядущего огня...
Я жив еще
И до конца не знаю,
Как это все
Пройдет через меня.

Юрий ЛЕДНЕВ

В ЛЕСУ ПОД МОЖАЙСКОМ

Шумят под Можайском
Дремучие ели,
И сосны шумят, потерявшие сон.
Четыре недели,
Четыре недели
Сражается насмерть в лесу батальон.
Снаряды ложатся
Все ближе, все ближе.
Нас враг опоясал свинцовым кольцом.
Багровое пламя
Шинели нам лижет,
Но все же стоим мы
К Смоленску лицом.
От взрывов взлетают
Осколки косые,
И падает навзничь седая сосна.
Пускай мы погибнем,
Но будет Россия,
Но будет Россия во все времена...

Сергей ВИКУЛОВ

ПАРАД ПОБЕДЫ 1945 ГОДА

Такое Площадь знала лишь однажды,
Однажды только видела Земля:
Солдаты волокли знамёна вражьи,
Чтоб бросить их к подножию Кремля.

Они, свисая, пыль мели с брусчатки.
А воины, в сиянии погон,
Всё били, били в чёрные их складки
Надраенным кирзовым сапогом.

Молчала Площадь. Только барабаны
Гремели. И ещё — шаги, шаги...
Вот что такое русские Иваны —
Взгляните и запомните, враги!

Вы в них стреляли?
Да, вы в них стреляли!
И жгли в печах?
Да, вы их жгли в печах!
Да только зря: они не умирали,
Лишь молний прибавлялось в их очах!

«На-а-пра-во!» — и с размаху об брусчатку
И свастику, и хищного орла.
Вот так! России бросили перчатку —
Россия ту перчатку подняла!

И видели, кто был в тот день в столице,
На Площади: она, лицом строга,
Подняв венец
И меч зажав в деснице,
Прошла по стягам брошенным врага!

Александр РОМАНОВ

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха шербата
И на руках рубцы видны.
Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комодке,
Ту, на которой молодой.
А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.
И вновь, в огне душа солдата.
Стоит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он.

Ольга ФОКИНА

НА ПИСКАРЁВСКОМ КЛАДБИЩЕ

У входа на кладбище — Вечный Огонь
По белому снегу распластан.
Я робко ему протянула ладонь,
Сказала негромкое: «Здравствуй».
И бледного пламени жадный язык,
Как волю почуявший пленник,
Рванулся навстречу, к ладони приник,
Качнулся — и пал на колени.
Змеилась поэмка над зыбью могил,
Коробили скорбные звуки.
И сполох догадки мой ум озарил,
Как пламя — озябшие руки.
Кольнув, пробежал по спине холодок...
О, пламя с глазами страдальца!
Я вижу в тебе золотой завиток,
Вконец исхудавшие пальцы,
Я вижу глубокие впадины щек,
Огромные кости суставов,
Я вижу их — живших, не живших еще,
Которых в ту зиму не стало.
...Пришли экскурсанты. Уютным кольцом
От ветра Огонь заслонили,
И он присмирел с просветленным лицом,
Как будто его подменили.
Как ровно, как ласково он трепетал!
Как ясно заглядывал в души!
И словно бы наши черты обретал,
По-нашему сдержанно слушал.
Но — время...

О, как он рванулся всугонь!
Как начал по снегу метаться!
...Нам тоже, нам тоже, товарищ Огонь,
Непросто с тобой расставаться.

• Окончание. Начало на 4-й стр.

Виктор КОРОТАЕВ

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судбина
Намертво связала
Солдат
С родимую землей.
Они ей жизнь завоевали —
Она покой сынов хранит.

Тогда они
на ней
стояли,
Теперь
она
На них стоит!

Леонид БЕЛЯЕВ

В КРАЮ, ГДЕ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

На тишине рассвет настоя,
Над Белым озером туман.
У обелиска павшим стоя,
Встречает праздник ветеран.
Встречает новый День Победы —
А он уже сороковой —
И в такт невидимой беседе
Седой качает головой.
Хоть враг отсюда был не близко,
Орудий залпы не слышны —
Но как длинны погибших списки
В краю, где не было войны.

Нина ГРУЗДЕВА

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КЛЁНЫ!

Светлой памяти брата Василия,
погибшего в 1943 году

Еду домой посмотреть на весну.
В новый наряд одеваются кроны.
Как мне на вас захотелось взглянуть...
Здравствуйте, клены!

...Летнюю тропку, как в детстве, топчу...
Дом мой родительский, старый и скромный.
Вами я вновь любоваться хочу,
Здравствуйте, клены!

...С поезда скорого я на заре
Снова спешу из краев отдаленных
Видеть вас в золоте и — замереть...
Здравствуйте, клены!

...Ветры вас били и вьюги секли.
Вы, словно мать, сединой побелёны.
Низкий поклон вам до самой земли!
Здравствуйте, клены!

Знаю, еще до великой войны
Брат вас сажал, молодой и влюбленный...
Память о нем сохранить вы должны...
Здравствуйте, клены!

Владимир КУДРЯВЦЕВ

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Бегу двором. В войну играю.
На прутике скачу верхом.
Ворон растрепанная стая,
Как пепел, падает за холм.

В заулке дед. Он выпил лишку.
Молчит, смахнув слезу рукой.
И ничего, что я мальчишка,
Я понимаю — день такой.

— Такое дело, внук, — Победа... —
Он скажет, всматриваясь вдаль.
Я так горжусь, что есть у деда
На старом кителе медаль.

Какой-то свет особый в доме.
Наверно, он — от седины.
И ничего не надо, кроме
Вот этой светлой тишины.

Когда над полем месяц тонкий,
Как первенец весенних гроз.
А мать братишкины пеленки
Развешивает меж берез...

Юрий МАКСИН

* * *

Я плачу, глядя фильмы о войне.
И ничего тут пояснять не надо.
Отцова кровь — на поле Сталинграда,
отцова кровь — на Огненной дуге.
И та же кровь с осколком от снаряда
и пулевым свинцом течёт во мне.
Ей о войне рассказывать не надо,
она сама расскажет о войне...

Лидия ТЕПЛОВА

«ВО СНЕ ТЫ КРИЧАЛА...»

Приснилось: поле, я — солдат,
Лежу убито в травах,
Вокруг кузнечики трещат
О вечности, о славе.
А в спину врезалась трава,
Прет сквозь меня отважно.
Но почему, ведь я мертва,
Мне больно так и страшно?
Прорвался в грудь зеленый свет,
И я траве шепнула:
«Тебе дороги дальше нет.
Там, в сердце, вражья пуля».
Меня услышала трава,
Ответила натужно:
«Но ты мертва, а я жива
И не пойду окружно.
И ты боялась умереть,
Но тоже шла на пули,
И ни огонь тебя, ни смерть
С дороги не свернули.»
— Но я же мать!
«Я тоже мать.
Детей своих спасла ты.
Моих спаси, ведь мне рожать.
Будь до конца солдатом!»
Трава полезла дальше, ввысь.
Я корчилась от боли.
Так сквозь меня пробилась жизнь,
Взяла меня с собою
В листок, в цветочек, в колосок.
Я снова вижу сына!
Не дай мне вновь погибнуть.
Не плачь, малыш, ведь я жива,
К тебе цветком вернулась.
— Ты мамочка!
Ты не трава!
Проснись!
И я проснулась.

Елена САБЛИНА

ФРОНТОВИЧКА

Дальний колокол до слуха донесется,
И крестом
Православная старуха
Руки выложит на стол.
Посидит. Вздохнет печально,
Перекрестит впалый рот
И из рюмки поминальной
Горькой водки отопьет,
И за рюмкою нередко
Наревется бабка всласть.
Скажет глупая соседка:
«Снова Катька нажралась».
А у Катьки две лампадки
Под иконами коптят,
А у Катьки под лопаткой
Раны старые свербят.
И уже скользит над кровом
Сиротливая луна,
Катерина Иванова
За столом сидит одна.
В одеянии убогом,
С горькой чаркою в руке,
И не хочет кроме Бога
Разговаривать ни с кем.

Олег СМЕТАНИН

СОКОЛ

Где ж лихого казачества удаль,
Где ж краса белых хат, хуторов —
Неужель вавилонская участь
Докатилась до мирных домов?

Сокол — символ свободы и силы —
В испытаниях спланивал вас.
Ведь недаром, как герб Украины,
Он от предков пришел.
А сейчас?..

Непокорную шею стальную
Гнут стервятники силой — в дугу,
Этих грифов майдановских стаю
Сокол криком созвал — на беду.

Неужели не салом с цибулей
Были вскормлены те, кто слова
О фашистах и «слава героям»
Написали на лбу у себя?

Просят вас опаленные вишни,
Просят матери целой страны
Сохранить для луганских мальчишек
Облака, что бегут от грозы...

И со временем злость умалится,
А потомки поймут, может, вас;
И, как чудо, опять возродится,
Словно Феникс из пепла, Донбасс.

Александр ШВЕЦОВ

* * *

Россия! Все чаще и чаще —
как будто огнем обожжёт —
мне видится жёлтая чаша,
и ветер над чащею — жёлт.
И павшие в битвах подолгу
мне машут оттуда рукой...
И вывел бы их на дорогу,
да нету дороги такой.

Владимир КРУПИН

(Москва)

ПЕРЕДАЮ

Я ШЕЛ быстро, но не с такой ско-
ростью, чтобы проскочить мимо,
когда он крикнул:
— Думай хоть немного!

Он не ожидал, что я остановлюсь, но
обрадовался. Протянул крепкую сухую
руку. Бесцветные глаза его выражали
просьбу. Я постоял и дернулся, чтобы
идти дальше, но он удержал мою руку и
виновато улыбнулся.

Я увидел седую щетину на подбородке,
худую шею, старый китель с медными
пуговицами и, не отнимая руки, сказал:
— Думаю. Как же иначе?
Он выпустил мою руку, свою вскинул

к козырьку кепки и торжественно объ-
явил:

— Триста пятый полк, Двенадцатая
гвардейская! — сник, уронил руку и до-
бавил. — Сколько полегло.

Я не знал, что ответить, и сказал не-
громко:

— Ничего. Так уж... Что делать.
Еще помолчал и шагнул, было, но он
выпрямился и надменно произнес:
— Я не пьян! Фронтовые сто грамм.

Я пожал плечами, мол, я и не говорю,
что вы пьяны,— и пошел.

Он догнал меня и торопливо, громко
заговорил:

— Живите! Ладно, погибли. Гусеницы
в крови! Вы молодые... Если что, мы хоть
сейчас. Гвардейцы! Грудью! Живите! По-
нял? Передай своим.

Я кивнул и зашагал, а он кричал вслед:
— Передай по цепи! Слышишь?! Всем
передай!..
Передаю.

ПРОЗА. XXI ВЕК

КОГДА я учился в первом классе, мы с компанией ребят-сверстников ходили из Флотского посёлка в школу № 20 на улице Калинина. Директором школы была высокая, красивая и добрая женщина с чёрными в проседь волосами. Говорили, что её жених был лётчиком и погиб на фронте. В те годы всё вокруг дышало недавней войной, о ней нам рассказывали книжки в детском саду, о ней говорилось на страницах газет, она звучала в песнях по радио, о ней напоминала одежда людей, одетых в шинели и гимнастёрки. Имена Сталина и советских полководцев в радиопередачах, людские разговоры, песни — ничто не давало забыть о ней. Даже воздух ещё был военный — тревожный, сухой, колючий.

Портреты Виктора Талалихина, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, героев-молодогвардейцев висели на стене школьного зала, где проходили торжественные линейки и сборы пионерских дружин. Имена юных героев звучали для нас равнозначно с именами русских богатырей из книжки былин.

Утром в школу каждый добирался по-одиночке, а после уроков мы шли домой единой, шумливой мальчишеской оравой. Сначала по Советскому проспекту, мимо пристани, Петровского домика до Московской заставы.

На углу Советского проспекта, на первом этаже старого деревянного дома, размещалась какая-то контора, а из подвала круглые сутки доносился грохот и железный шум.

Но не шум мигом привлёк наше внимание к дому. Твёрдую, пропечённую солнцем землю вокруг дома усеивали плоские жестяные с радужным отливом диски. Мы с криками радости бросились во двор, подбирали эти диски, отталкивая друг друга, набивая дисками карманы пальто. А назавтра выкинули эту находку из карманов. Теперь, проходя двором, мы небрежно попинывали их, никуда не пригодились жестяные кружки.

Они не летели, со свистом рассекая воздух, как мечталось нам. Они не катились юрко и проворно по земле. Они были слишком малы и легки для всего этого. Чуть больше медали «За отвагу», они тут же пикировали на землю в коротком полёте или кургузо сваливались на бок, прокатившись всего метр-другой. Зачем они валяются тут? Кому они нужны? Миновала осень, в морозах и метелях землю накрыла зима. Шум из подвала доносился глухо, да мы вообще перестали слышать его.

Весна! Выглянуло тёплое солнце. Запели птицы, из земли полезла трава, расцветившая золотыми глазками мать-и-мачехи. В подвале дома растворили окно, и грохот опять слышался на полквартала.

Как-то я шёл из школы домой. Настроенное у меня было превосходное: скоро каникулы, на уроках я получил пятёрку, отец с матерью похвалят меня.

Подходя к угловому дому, я замедлил шаги, мне стало чрезвычайно любопытно узнать, что же так невыносимо грохочет и гремит в подвале?

На ржавом листе железа я прочитал по складам: «Артель инвалидов «Штамп». Всеобщее общество слепых».

Я поставил портфель на землю и заглянул в окно.

В сумрачной, с низким потолком большой комнате, конца которой я не разглядел, стояли ряды окрашенных тёмно-зеленой краской, как в те годы красили стены больниц и солдатских казарм, вертикальных станков. За станками сидели люди. Все они показались мне стариками, в чёрных клеенчатых передниках. В подвале скучно светили три или четыре лампочки. Лица у людей были серые, застывшие, как маски.

Сидящий за станком человек производил два простейших движения. Он что-то брал из стопки справа от себя, клал этот предмет перед собой, нажимал ногой на педаль сбоку станка. Тогда и раздавался грохочущий удар. Человек опять брал что-то справа, снова нажимал ногой на педаль. И так без конца. Тут я разглядел, что перед ним лежит не что иное, как наши, ни на что нам не пригодившиеся кружки. Стук-гром, стук-гром. Рука и нога совершают однообразные заученные движения.

Человек, сидевший у окна, неожиданно повернул голову. Как все взрослые, сейчас он крикнет на меня, прогонит прочь. А человек смотрел на меня непонятным, не мигающим, неживым взглядом. Словно он хотел что-то спросить у меня, но задумался с вопросом. И смотрел не столько на меня, сколько куда-то вверх, за меня. Словно он что-то видит там, не доступное мне.

Оцепенев, я вдруг догадался, что человек этот не видит меня. Он слепой. И все, сидящие в подвале — слепые!

Мне стало страшно, по спине моей побежали холодные мурашки. Я сгрёб в охапку портфель и кинулся бежать.

Весь день заволокло для меня серой занавеской.

Я равнодушно сообщил матери о пятёрке, как будто получал их по пять штук на дню, кое-как приготовил уроки, не пошёл играть с ребятами.

Я плохо спал ночью, что-то грезилось мне страшное, чёрное, огненное, кровавое, надо мной всё грохотало и падало. Я просыпался с застывшим на губах криком ужаса, открывал глаза, а в комнате было уютно тихо, на большой кровати спали отец и мать, мирно тикали старинные настенные часы, а над комодом в утренних сумерках грустно смотрел с портрета Сталин.

Несколько дней я ходил как потерянный. Меня не радовали ни близившиеся каникулы, ни весёлые ручьи, по которым бежали запущенные кораблики — щепки. Зрелище, сидящих у станков молчаливых несчастных, словно отменяло праздник ликовавшей вокруг жизни.

Но что же они там делают?

Я долго крепился, не зная, как отнесётся к моему вопросу мать. Объяснит мне происходящее в подвале или скажет, чтоб не совал я свой нос, куда не просят, у ней и так забот не мало. Однако носить эту мутность в душе стало невмочь, и я спросил.

— Не знаю,— сказала мать,— не знаю я ни о каком подвале. Где это?

Я принялся по-мальчишески сумбурно объяснять.

Роберт БАЛАКШИН

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Рассказ

— Да это на углу Советского и Калинина,— встряла тётя Катя, жена однорукого сапожника,— солдаты-инвалиды пробки для пивных бутылок делают. Работа копейная, а калечатся они... не видят же ни лешева...

Мать махнула рукой, не слушая её. А я ничего не понял: что за пробки, для чего их делают? Тётя Катя трещала, как сорока.

Не раз я потом проходил возле этого дома, в окно заглянуть больше не отважился. Потому я вовсе избрал себе другой маршрут путешествия в школу и обратно. Как-то возвращаясь с друзьями домой, я свернул на позабытую улицу. Окна в подвале забиты досками, в нём было могильно темно и тихо.

Прошло много лет. Так много, что я отслужил в армии. Старшие офицеры в нашем полку все были фронтовиками. Мои детские видения иногда пробуждались в душе. Они были из того рода, что даются человеку на всю жизнь.

Остался в далёком прошлом и армия, у меня появились внуки, и я вышел на пенсию.

Однажды, в ненастную осеннюю ночь, когда на всём белом свете нет человека несчастнее одинокого солдата, каким-то образом я очутился на улице... Вдобавок к непогоде на землю опустилась страшная холодина. Такая страшная, что холод продирал меня аж до самых кишок. Кто пожалеет солдата? Никто. Родной матушки поблизости нет, а чтобы командирам жалеть солдат, так такого устава ещё не написано. Хотя я могу ошибаться. Командиры, как и люди, бывают разные.

Я отметил одну особенность этой странной ночи. Никогда я не слышал такого ветра. Он завывал как-то совсем иначе, чем обычный ветер. Его порывы были похожи на человеческие вздохи. В его протяжных дуновениях чуялись интонации живого голоса. Ветер, действительно, дышал как человек.

Тут я и услышал песню. «Какая песня, ночью, в спящем городе,— не поверил я.— Может, я сплю? Но нет, вот снова, и опять».

Да, вне сомнения, то была песня. Мне не послышалось. Песня была старая, прежняя, хотя и военная, но её теперь даже 9 мая не поют. И она согрела меня. Не сама песня, слишком она ещё была коротка, а мысль о ней.

— Солнце скрылось за горою,— грустно воспели тенора.

— Затуманились речные перекаты,— согласился голоса чуть погромче. Но тут вступил всеми тремя регистрами хор целиком:

— А дорожкою степною

Шли с войны домой советские солдаты.

Я пристроился слухом к звучащей стручке, и пошёл на голоса, туда, откуда они слышались.

Не только ветер, весь город переменялся в эту ночь.

Переходя древним Винтеровским мостом через речку Золотуху, я ступал по дощатой, с ездившими досками мостовой, а не по привычному асфальту. Небоскрёб областной

администрации, громоздкий, несуразный, куда-то провалился, словно его и не было. Своё исконное, природное место занимал длинный двухэтажный жилой дом. Над входным его крыльцом, как рыцарский щит, красовался дощатый, метровой величины, парадно раскрашенный орден Боевого Красного знамени. Из-за резных палисадников, о которых после того, как их снесут, сочинят популярную песню, показывали свои тёмные нахохлившись крыши ветхие домишки. Над ними поднимал своё хмурое чело домик, в котором в ссылке жил вождь. Ночная ветровая Вологда представляла передо мной в облике города, в который в 1945 году вернулись демобилизованные солдаты.

А хор, продолжавший своё дело, пел в компании с ветром:

От жары, от злого зноя

Гимнастёрки на плечах повыгорали.

Своё знамя боевое

От огня солдаты сердцем заслоняли.

Эти гимнастёрки приводили меня в недоумение в детстве. Как они выгорают, я понял только тогда, когда натянул гимнастёрку на свои плечи и за три года досыта находился в ней.

А хор продолжал свое дело. Да так, что я дивился: они же с ветром перебудят весь город.

Песня гремела, катилась по улицам, как река валунов по ущелью, гремела артиллерийской канонадой, но на сонных фасадах домов не зажглось ни одного окошка, не промелькнул ни один огонёк. Песня телела, над городом, жила, но её никто не слышал. Я уже понимал: откуда разносится пение и куда я иду. Я шёл и спорил с собой.

«Там никого не может быть,— убеждал я себя.— Все люди, работавшие в подвале, давно умерли».

А хор, словно набравшись от ветра силы, обычную строевую песню созидал, как гимн:

— Они жизни не щадили,— раскатисто, подобно эху в горах, доказывали суровые басы.

— Защищая отчий край, землю родную,— океанским прибоем на фоне басов вторили им валы баритонов.

Песня вилась, взлетала в заоблачные выси. Клубы свинцовых облаков, несущиеся по небу, виделись мне бесчисленными, бескрайними батальонами, полками, дивизиями и корпусами, шагавшими из чужих земель. Не раз гостил на этих полях русский штык. И снова, водворив здесь мир и покой, он возвращался на родину — к заждавшимся лугам и лесам, улицам городов, цехам заводов и фабрик, просторным эллингам и металлургическим станам...

Редкие серые промельки стального неба были развёрнутыми, боевыми, потемневшими от крови знамёнами. В грозившем захлестнуть всю землю вое ветра я различал слаженную игру тысяч полковых оркестров: гулко бухали тубы и геликоны, взвивались валторны, пронзительно звали в атаку трубы, пели кларнеты, трещали и отбивали ритм походного шага барабаны.

Но ветер и хор пели не об одной славе, не только о победоносной славе неистово стучал в тугие бока большой барабан. В тихих стенах ветра, в скорбных вздохах хора чуткий сердечный слух слышал жалобу материнских, вдових и сиротских слёз. Слышал он и тоску солдат, оставшихся инвалидов, калеками.

Одолели, победили

Всех врагов в боях за Родину святую,— смело говорили чистую правду тенора.

Песня вела меня, как поводырь слепого, к знакомому дому.

Тусклый подвал чудесно переменялся в белый, сияющий, лучезарный зал, хотя ламп освещения не было видно. По стенам и потолку текли переливчатые, рубиново сверкающие звёзды. На стене распространял во все стороны лучи портрет полководца в полевой солдатской шинели, в фуражке со звёздочкой. Мои вчерашние инвалиды переодеты из лохмотьев в новенькие, глаженные гимнастёрки с погонами. Большинство рядовые: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, пограничники, лётчики. Скромные награды, почти одни медали. И все солдаты зрячие. Только тут меня пронзило, что я сплю. Я проснулся. Люди-сновидцы знают о таком явлении,

как сон во сне. Тебе снится, что ты спишь. Но это — тоже сон. Ты просыпаешься. Однако просыпаешься во сне, в котором спишь. И, проснувшись, ты продолжаешь в *том* сне по-прежнему спать. Так случилось со мной, я проснулся в том самом сне, в котором спал.

— Здравствуйте,— сказал я, входя в зал, и прибавил с комом в горле,— герои.

— Ты кто? — спросил бригадир.

— Да ведь это наш мальчик! — одним голосом вскрикнули солдаты.— Наш мальчик!

Они обступили меня со всех сторон, неотрывными любящими взглядами словно гладили меня, даже дотрагивались до меня.

Они говорили все сразу. Уже потом, в яви, я вспомнил обрывки их слов.

— Мы помним тебя, мы ждём тебя уже сколько лет,— говорили солдаты.— Не удивляйся, что видишь нас зрячими, ведь душа не может ослепнуть. Ты один из тысяч прохожих заглянул в подвал и пожалел нас в этом тёмном, душном гробу. У многих из нас, пусть и вернувшихся с войны, так и не было детей. Мы тебя считаем своим сыном, и твоих детей, и твоих внуков. Вы все родные нам.

— Милый мальчик, мы всё о тебе знаем. Заступись за нас. Мы молодые, сильные, превратились в инвалидов, доходяг. Охота ли, когда тело полно силы, сердце — жажды жизни, а ум ещё молод и смел, сидеть и, как кукла, подсовывать под штамп эти жестянки. Но это ещё полмуки.

— Поверь, есть мука, какой страшней нет на свете. Заступись за нас. Скажи правду. Не верь тем, кто говорит, что мы воевали зря.

— Мы не верим,— зарывав, закричал я.

— Ты не веришь, другие поверят. Не угощали нас враги баварским пивом, они поролы нас плетью в лагерях, ломали рёбра дубинками и ударами кованых сапог, они топтали нас в грязь, выбивали нам зубы, травили собаками. Среди всех ты видишь нас, троих братьев. Ты пел в школе песню «Три танкиста»? Так это про нас. Фаустник ударил по нам, машина загорелась, нас вытащили горящими, врачи спасли нас, мы остались живы, но с выжженными глазами. Что мы им сделали, гадам-немцам? Мы хотели любить Родину, своих матерей, жён и детей...

Солдаты замолчали и не сказали больше ни слова. Песня звучала всё тише, таяла, прощалась. Не было больше завываний и страшных сотрясений ветра, не маршировали корпуса и дивизии, не шли на боевой приступ гвардейские полки, матросы не кричали железными голосами «Полундра», не слышно было яростного рёва рукопашной схватки, когда люди, не шадя ничего в жизни, режут врагов.

Песня звучала. Но чей-то тихий таинственный, как в кино, голос за кадром говорил об удивительном сосуде. Не дано его увидеть живому человеку. Внешне он выглядел как драгоценный ярко-пурпурный кристалл. Этот сосуд не сравнить ни с чем. Самая высокая гора на земле — бурок возле него. Однако никакая буря или гроза не могут оставить на нём и царапины. Вещество, образующее сосуд, тоньше плёнки мыльного пузыря, но крепче самой прочной стали.

Кровь героев, пролитая за Отечество, за други своя, не впиталась в землю, не испарилась в пламени пожаров, когда, как воск, плавилась камни, рельсы и танковая броня... Такая кровь собрана и сохранена до капли... Это море русской праведной крови. Не утрачена ни одна капля крови воинов, отдавших жизни за Родину: polegших под пулёмётным огнем, бросившихся на амбразуры дотов, сгоревших в танках, утонувших в подводных лодках, и до сих пор покоящихся в них, как в стальных гробах; кровь всех, павших в честном бою.

Но больше всего здесь крови невинных детей, несмышлёных младенцев, порывистых подростков, отважных юношей и девушек.

Это море православно-праведной крови бережёт весь людской род от гибели, которую уже давно собирают на свои и чужие головы, осатаневшие от богатства безумцы.

Песня ещё слышалась, но то был не громовой, космический хор. Ветер отступил от заботливо опекавшегося им хора. Теперь это было вполне заурядное пение. Так поют роты на пути в полковую столовую на завтрак, на обед...

Далека дорога к дому,
Но солдат пойдёт на край земли,
коль надо...

Песня, исчезая, умолкала... Последние слова не столько слышались, сколько угадывались. Слово «солдата» я уже угадал в рифму.

Я проснулся. Спящая, родная Вологда лежала передо мной. Крыши её блестели от дождя, ветер всё так же нёс по небосводу батальоны облаков.

Лицо моё было мокро от слёз.

Как часто, только я зажмурю глаза, вспоминается мне тот не выдающий взгляд чёрных мёртвых глазниц солдата, который почуял, что кто-то заслонил ему свет. Тот свет, который он с друзьями-однополчанами защитил и отвоевал для нас.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Ольга ФОКИНА

ПРЕБЫТЬ В ДУШЕВНОЙ НЕВОЗМУТИМОСТИ...

Новые стихи

* * *

Мёрзлое звень-стекло —
В блёстках, волшебнокудро...
Что там? Уже светло?
Или ещё не утро?
То ли уже заря?
То ли всего лишь это —
Сумерки декабря
В грёзах электросвета?
Время ль уже вставать,
Или милей-желанней
Снова нырнуть в кровать,
В дебри воспоминаний?

...Вспомню: лесной барак
Мёрзлый, без туалета...
Сбежать с нуждой в овраг
Лучше бы — до рассвета.
Там и кабинка есть,
Вся из щелястых досок!
...В валенки, в шубу влезть
И заскользить с откоса!
Выследить, как украсть,
Пару минут шикарных, —
В очередь не попасть
Рядом с любимым парнем.
Дымную растопить
Печку...

На чая кружку
Весело разбудить
Эту и ту подружку.
Мне на медпункт — к шести!
Им на свои деланки —
Чуть попоздней... Прости,
Юность! —
Не до гулянки.
Вон уж буровит снег
С целью урвать «больничный»
Бывший (вчерашний) ээк,
Очень не симпатичный.
Этот,— чёрен, стращён,
Скаля гнилые зубы, —
«Крови хочу!» — с ножом
Бегал вчер по клубу.
Это за дверью — он,
Числя меня за дуру,
В градуснике щелчком
Гонит температуру:
Тот ещё ушлый гусь —
В градуснике — под сорок!
...Я проверяю пульс:

Медленный он, не скорый.
И холодна рука —
В норме температура!
Но отомстит ээка
Мне за свою халтуру:
Ночью придёт в барак
С ножичком — «по медичку».

...Вспомнилось вот. Пустяк.
Юность. Былое. Личное...

* * *

Дворник в снегу прорывает туннели,
Чтобы прохожие не утонули...
...Прямо идти? Застреть в стороне ли?
«Поторопись!» — светофоры мигнули.

В белых сугробах, наваянных за ночь
Неукротимой февральской метелью,
Не обойдётся без лыж или санок,
Если вы выйти за дверь захотели.

Снег — до колена. Нога увязает
С явным желанием — там и остаться!
Дёрнешь — потянешь — и будешь босая:
Просто-прелестно в снегу разуваться!

Но — как достать сапожок виноватый,
В зыбкой сугробине — переобуться?
...Выручит дворник с широкой лопатой:
Голосом строг! А глаза-то смеются...

* * *

Любим противоположное,
С одинаковым — тоска!
Ты настроен на подножное,
Тот — витает в облаках.
Ты бежишь, не спотыкаяючись,
По борам и по горам,
Тот, презрев петлянья заячьи,
Путь находит по звездам.
А когда тропинки встретятся,
Срок придёт заночевать,
Их костёр в ночи засветится,
Чтобы вместе чаевать,
Чёрной чагой чай заваривать,
В котелок черпнув звезду,
И до утра разговаривать

Про добро и красоту.
А с утра — бывшие сложности:
Ты — оттуда, он — туда...
Общность противоположностей
И борьба их, как всегда.
Спорить с истиной вселенскою
Не берись, коль не дурак!
Есть мужское, есть и женское,
Без Неё Ему — никак.

* * *

Другие цели.
Другие ценности...
Тебе ль, Емеля,
Остаться в целости,
Пребыть в душевной
Невозмутимости,
Коль в каждой щели
Торчат немилости:
Ни дров для печки,
Ни тропки к проруби,
Согреться нечем
В домишке-коробе:
Предприниматель
Леса повырубил,
Продал, истратил,
Емеле фигу дал!

Емеля — к речке:
Ему водички бы!
Но быстротечки
Нема в наличии!
Ни тычки-вешки,
Ни знака проруби!
Себя потешьте —
Найти попробуйте!

Как быть Емеле?
Ему бы шуку бы
Черпнуть в купели
Такую — с руку бы!
По йё веленью —
В печи б — поления!
В горшке бы — вареве,
Как государево!
В застолье — гости бы
В любви бы, в просте бы
Вместях с Емелею
Писали-пели бы!

Но время — тряско...
Из тех крупиночек,
Что были сказкой,
Не склеишь нынече
Ни щук-волшебниц,
Ни дочек царевых...
Ты — пораженец,
Емеля старенький!

Успех не вечен.
В просторы двора
Спускайся с печи,
Ищи топорика,
Не зазнавайся,
Мол, мы — мечтатели!
И опускайся
В предприниматели.

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Северянин (настоящая фамилия — Лотарев) Игорь Васильевич (1887—1941) родился 4 мая (16 н. с.) в Петербурге в семье, любившей литературу и музыку, особенно оперную («одного Собинова я слышал не менее сорока раз»). С девяти лет писал стихи. Юношеские годы провел в усадьбе «Сойволе» недалеко от Череповца Новгородской губернии, где окончил четыре класса реального училища. Затем уехал с отцом в Порт Дальний. Север пробудил в душе будущего поэта вдохновение (отсюда его псевдоним — Северянин). Вернувшись в 1904 к матери, жил у нее в Гатчине. Юный поэт рассылал по различным редакциям свои поэтические опыты, регулярно возвращавшиеся обратно. Однако в 1905 было опубликовано стихотворение «Гибель Рюрика», затем еще ряд отдельных стихотворений. С 1905 по 1912 Северянин выпустил 35 поэтических сборников (в основном в провинциальных изданиях). Настоящая слава пришла к нему после выхода в свет сборника «Громокопийный кубок» (1913). В том же году стал давать собственные поэзоконцерты, совершил первое турне по России вместе с Сологубом. Затем последовали другие сборники стихов Северянина — «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915) и др., много раз переиздававшиеся. Вечера поэта проходили с огромным успехом, чему способствовал его исполнительский дар. Б. Пастернак вспоминал: «...На эстраде до революции соперником Маяковского был Игорь Северянин...» Связи семьи Лотаревых с эстонским краем были давние: здесь учился отец поэта, его братья. Впервые Северянин посетил эти места (поселок Тойла) в 1912, затем часто отдыхал там в летние месяцы. В 1918 перевез туда больную мать. Ненадолго заехав в Москву, где на вечере в Политехническом музее был избран «Королем поэтов», вернулся в Тойлу. Оккупация немцами Эстонии (в марте 1918), образование самостоятельной республики (1920) отрезали его от России. Он почти безвыездно жил в деревне со своей женой — поэтессой и переводчицей Фелиссой Круут. Находясь в эмиграции, продолжал писать. Выпустил сборники стихов «Вервена» (1920), «Менестрель» (1921), роман в стихах «Падучая стремнина» и др. Издал антологию эстонской классической поэзии. Правительство помогло Северянину, назначив субсидию. Последние годы ему жилось тяжело, одиноко. Присоединение в 1940 Эстонии к Советскому Союзу пробудило в нем надежды на издание своих стихов, возможность поездки по стране. Болезнь помешала осуществлению не только этих планов, но даже отъезду из Эстонии, когда началась война. 22 декабря 1941 Северянин умер в оккупированном фашистами Таллине.

ПРЕДВОСКРЕСЬЕ

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,—
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова,—
Как весна, как солнце, как Христос!

1925

Юрий МАКСИН

ЗА ВСЁ – СВОЯ НАГРАДА...

* * *

А дом остыл, нагретый жаром лета,
как будто дух покинул остов стен.
Холодный блеск стареющего света,
как блеск судьбы низринутых систем.

За ними – путь, за ними – пропасть рая,
сгоревшего, остывшего дотла.
Но рядом шла позёмкой жизнь другая,
без радостного света и тепла.

И, много лет живя в анабиозе,
очнётся вдруг, невзгоды переждя.
И не в стихах, а в самой грубой прозе
взметнёт наверх и бурю, и вождя.

И будет бунт – холодный, беспощадный,
и нежные осыплются цветы.
И будет путь кому-то безотрадный,
и по нему пойдём и я, и ты.

Другая жизнь себя ещё покажет,
когда возьмёт чужое, как своё.
И не пытайся возратить пропажу,
когда начнётся инобытиё.

* * *

Людам стало мало слов привычных.
Может, жизнь по-своему права.
Если слушать речь косноязычных,
то услышишь новые слова.

Группа эзков «ботает» по фене,
виртуозно цвиркая слюной.
Это без беды, когда на сцене,
а вблизи – соседствует с бедой.

Мало проку в этой странной речи,
в этом обеднённом языке...
Обезьяний образ человеческий
проступает в жесте и кивке.

Молча отрок дребезжит на «клаве»
смысл короткий аббревиатур.
Невдомёк, что мозг оскудевает
под гипнозом сетевых культур.

Вот и домычали, додолбили
по мозгам на новом языке.
И уже полмира утопили
в виртуальной интерНЕТ-реке.

* * *

Меня не выпускает дождь
из клетки под названьем дом.
Но вижу я, как ты идёшь
по лужам за окном.

Идёшь дорожкой средь полей,
по тропке средь кустов,
по берегу ушедших дней
напротив островов.

И мочит дождь одежды ткань
и волосы твои,
и клён протягивает длань –
подай или возьми.

Куда идёшь, зачем идёшь,
покинув тёплый кров?
По крыше барабанит дождь,
как тысячи шагов.

* * *

Окна светят отражённым светом.
Дом просторный отчего-то пуст.
Не живут в нём ни зимой, ни летом.
Здесь живой – один рябины куст.

Строили и думали, что дети
будут благодарны за жильё.
Ну, а дом не греет и не светит.
Его долго строило ... жульё.

ЛОША

Александру Кошелеву

В деревню Лошу по грибы
собрался я однажды.
В ней сохранились три избы
и столько же отважных.

Не застит им глаза – уют,
комфорт – дитя прогресса.
Три дыма в небеса идут
из сумрачного леса.

Давно сровнялись здесь
с землёй
следы страны Советов,
быльём зарос колхозный строй,
ну а другого – нету.

Струится вольная вода
лесной речушки Лоши.
Она чиста, светла всегда,
как человек хороший.

И воздух первозданно чист,
так свойственно природе.
И только осень сыплет лист,
когда пора приходит.

Сюда дорога непроста –
с остатком старой гати.
Без тоекратного креста
не стоит ног ломати.

Со мной корзина и пакет,
и мысли об удаче.
Со мною грустных мыслей нет,
вот после – озадачат.

В тиши заброшенных полей,
заросших деревьями,
за всё воздал мне Берендей
чудесными грибами.

Согнула ноша плечи мне,
но ведь своя не тянет...
В забытой этой стороне
вдруг что-то больно ранит.

Несут свой крест три мужика,
уйдя от всех навеки.
А жизнь лесная нелегка,
не звери – человеки.

Здесь летом – комариный рай.
Зима – заносит тропы.
И не заманит древний край
пришельцев из Европы.

Наверно, надо было так,
за всё – своя награда.
Коль жизнь, как ломаный пятак, –
её чужим не надо.

Чтоб образумить грешных нас
в смертельном хороводе,
деревня Лоша про запас
ещё живёт в народе...

ПОЦЕЛУЙ НА МОРОЗЕ

Жизнь увязнет в размашистой прозе,
станешь сивые бредни читать...
«Русь, ты вся – поцелуй на морозе!» –
это Хлебников. Что тут сказать!
Не сыскать среди вязкого быта
вот такие – из чуда слова.
Они в кузнице сердца отлиты,
и хмелеет от них голова.

Так иди в соловьиные трели,
перейди не один Рубикон.
Пусть до пят пробирают метели.
Пусть до слёз добирается стон.

И тогда драгоценные строки
пыхнут искрами в холоде дня.
Снегирами затеплятся щёки,
поцелуй на морозе храня.

ПЫЛИНКА

Звёзды слева и справа, вверху и внизу.
Птиц не слышно, поёт только солнечный ветер.
Он всё гонит и гонит вселенскую тьму,
он её прогонял на Земле, на рассвете.

Просыпались деревья. Очнувшись, цветы
поднимали головки к зовущему небу.
Рыбы шли из глубин, из пластов темноты.
Звери грели бока, отдыхая от бега...

Звёзды слева и справа, вверху и внизу,
и пылинка, гонимая солнечным ветром.
Тихо здесь. Не услышишь земную грозу,
только ласковый шёпот летящего света.

Как всё просто в пределах у света и тьмы!
Зло, добро – из другого, незвёздного царства.
И не надо бояться сумы и тюрьмы –
слушай шёпот бессмертья космической арфы.

Он звучит неустанно – космический свет.
А с Земли всё казалось, что бездна молчала.
Всюду светятся звёзды, каких только нет!
Где же та, что меня привечала?!

СЕМИНАР

(Шуточное)

Онемев, сидят, как рыбы,
в ожиданьи вещих слов.
Ждут, когда пошлёт на дыбу
грозный критик Цыганов.

Он вошёл с листками боли,
посмотрел с тоскою в зал.
И посланцем высшей воли
так задумчиво сказал:

«Здесь закончилось искусство.
Почва – смылась из-под ног.
Где у вас живое чувство,
чтобы я заплакать смог?!»...

Без живого чувства – грустно.
Грустно, если слов улов
доминошкой «пусто-пусто»
вдруг пристукнет Цыганов.

Редакция «ВЛ» представляет читателю фрагменты из книги писателя-краеведа Игоря Ваганова «Сталинград — от поражений до победы», подготовленную на основе фронтового дневника его деда Ивана Ваганова.

* * *

**17 января 1943 года. Состязание.
(Из дневника И. М. Ваганова.)**

Целый день то затихает артиллерийская стрельба, то с новой, ещё более мощной силой гремят пушки. Слышны раскаты «катюши», стон шестиствольного миномёта, даже доносится мелодичная трель «максима». Но всё это далеко от нас. Мы идем по холмам между Манычем и Доном. Идём как по заколдованному месту. И справа, и слева от нас недалёт. Не война, а рай.

Сзади нас движется казачья часть: кажет-ся, 4-й Донской корпус. Передовые конники то и дело появлялись на кургантиках. Они зорко всматривались вперёд, оглядывались по сторонам и стремительно исчезали.

По колонне прошёл приказ: приготовиться к отражению самолётов. Установки противовоздушных пулемётов выдвинулись вперёд, слетели чехлы с зениток. К тому же дорога круто нырнула в лесистую балку. Густой лес скрыл автомашины, танки и пушки.

Эти меры не были напрасными — вскоре налетели вражеские бомбардировщики, которые, не обнаружив замаскированной техники, улетели на восток.

В это время на ближайшем от дороги холме появился одинокий всадник — казак 4-го Донского корпуса (это был 4-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Т. Т. Шапкина, потомственного донского казака.— *Прим. И. В. Ваганова*), который, вероятно, был послан командованием с каким-нибудь срочным поручением. Он на несколько минут замер на вершине холма, обозревая окрестности, а потом стал не спеша спускаться вниз. Казалось, что всё его внимание сосредоточено на маленьком отрезке дороги, заключённой между курганом и балкой. И это чуть не стоило жизни и коню, и всаднику. Казак не видел, как из облаков штопором пошёл самолёт, как он, снизившись, выровнялся, сделал разворот над всадником и, строча из пулемёта, погнал-ся за ним.

Как только сзади и спереди всадника запульсировали снежные фонтанчики (от вражеских пуль), казак вместе с конём немедленно упал на мёрзлую землю. Самолёт пронёсся над ним и ушёл вверх, набирая высоту. Конь и казак поднялись и поскакали по степи. Такая дерзость не могла не взбесить гитлеровского аса. Истребитель развернулся и вновь погнался за всадником, надеясь уничтожить лёгкую, как казалось вражескому летчику, мишень. (От пулемётов и зениток механизированной бригады он предпочитал держаться подальше.) Но казак моментально укрылся в ближайшей воронке, и фашист опять остался ни с чем, пролетел мимо, и казак уже вновь скакал по степи.

В это время появился второй немецкий истребитель, но казак не паниковал, стрелой пронёсился по открытому участку степи и вновь исчезал в каком-нибудь укрытии.

В конце концов, немецкие самолёты прекратили своё преследование (чему способствовал и огонь наших зениток) и улетели на запад, а казак ускакал выполнять поручение.

НАШИ ГОСТИ

Василий ВОРОНОВ

(ст. Старочеркасская
Ростовской области)

ПОЗВАЛИ К ОБЕДНЕ

БЫВШИЙ губернатор, отсидевший в должности восемнадцать лет, выселил писателей из старинного особняка в аварийный дом и, чтобы частично загладить вину, впервые пригласил писателей в дом правительства на встречу.

Кроме писателей были чиновники, журналисты, всего около сотни человек. На столах шампанское, бананы и цветы.

Губернатор вышел к микрофону в малиновом пиджаке, хитро прижмурился, умно поморгал глазами и сказал:

— Вы пишете книжки, а мы гордимся вами.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Иван ВАГАНОВ. Игорь ВАГАНОВ

СТАЛИНГРАД — ОТ ПОРАЖЕНИЙ ДО ПОБЕДЫ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

«Мы с дедом Вашим видели смерть!»

Здравствуйте, уважаемый Игорь Владимирович и вся Ваша семья. Примите от меня и моей семьи горячий привет и множество добрых пожеланий во всём и всем. Я даю Вам ответ на Ваше письмо. Я очень рад, что мой друг фронтовой имеет внука в Вашем лице, и что внук написал мне письмо. Я вижу у Вас большой интерес к моей фронтовой жизни при том, что ещё касается Вашего деда.

Теперь немного о себе. До войны служил на Тихом океане, закончил военно-морское училище. Когда началась война, я добровольцем ушёл с Владивостока на фронт под Москву. Формировалась наша 54-я механизированная бригада на Уфале.

Мне запомнились глубокие снега под Москвою, где танки — и наши, и фашистские — давили гусеницами и живых, и мёртвых, где снег был от крови красным.

Потом мою механизированную бригаду соединили в 6-й мехкорпус 2-й армии Малиновского. Я командовал взводом ДШК (крупнокалиберные пулемётные установки на автомашинах) по охране штаба бригады. Под станицей Цимлянской я познакомился с Вашим дедом в жарком бою с фашистами. Был один случай в Цимлянске. В квартиру казака, где я был на квартире, вошёл сосед и говорит: «Я фрица раздел молодого!» Я с волнением зашёл с другой комнаты и сказал ему: «Подлец, ты с убитого юнца содрал тряпки сегодня, а завтра и с меня дерёшь, не видел я этого, я бы тебя там пристрелил, как плохую собаку». Да потом пошёл в будущее Цимлянское море, в яру там лежал юнец раздетый, и я сейчас вижу того юнца, погибшего за фюрера.

За взятие станицы Зимовники, моя бригада переименовалась в 11-ю Зимовниковскую гвардейскую мехбригаду. На пути к Ростову со 2-й армии Малиновского выделена ударная группа, в которую вошёл и мой корпус с бригадой.

Нашей задачей было перерезать к Ростову путь через Батайск. Когда мы заняли хутор Самодуровку поздно вечером (это было 23 января 1943 года), при рекомендации Вашего деда, я подал заявление в ряды КПСС. За длительный семисоткилометровый путь от моей мото-мехбригады с трёх танковых полков осталось лишь три танка, два из которых могли стоять в обороне, а один был в движении. Я не знал, какой состав был способный вести бой с врагом, но через тридцать лет, когда меня разыскали в бригаде, я был 43-й. Командовал этой группой генерал Ротмистров, его помощник был Соколов (будущий министр обороны, из-за вины которого на Красной площади приземлился немецкий самолёт с юношей). На рассвете хозяйка дала мне напиток из молока, я услышал гул моторов немецких танков, а за танками мехпехота. На наши ряды двигалась с Северного Кавказа великая

И стал раздавать гвоздики, грамоты и дипломы.

Фотокорреспонденты фотографировали, гости аплодировали, женщины очаровательно улыбались. Испортил обедню микрофон, вернее, желающие сказать в микрофон ответное слово.

Первый оратор в фиолетовом галстуке и золотой коронкой во рту сказал:

— Губернатор признал нас, а писательская организация не признает. Нас не принимают в союз писателей. Мои книги, например, читает президент США и Папа римский. Европа признает, а в Ростове гнобят. Зачем нам нужен такой союз писателей!

Второй оратор с книжкой в тисненном переплете и с серебряным перстнем-набалдашником на указательном пальце взял слово:

— Мои читатели предлагают конкретно. Назвать моим именем улицу в Ростове. Министрству образования рекомендовать мои книги для изучения в школах. Губернатору и правительству выдвинуть меня на Государственную премию по литературе. Вот письма и ходатайства моих читателей!

группировка фашистов: боевой техники, танков, автоброневиков, тягачей и автомашин да мотоциклов было до ста тысяч единиц, не считая людских резервов. И вот на нашу горстку бойцов вели ужасный огонь со всех видов оружия, а когда стало на дворе видно, к добавке появилась эскадрилья за эскадрилей немецких самолётов. Было очень жарко, всюду горело, взрывы, крики, к тому же была оттепель.

Немецкие лётчики настолько обнаглели, что за одним человеком гоняся, чуть не давили колёсами. К сожалению, с нашей авиации я в тот день не видел ни одного самолёта.

В этом тяжёлом оборонительном бою были подорваны две мои установки от воздушных налётов.

Последний мой расчёт сражался с врагом в поту и крови. Звено фашистских самолётов, открыв ураганный огонь, заставило умолкнуть тот расчёт. Наводчик погиб, заряжающий тяжело ранен, и очередь прошит скат машины.

Когда фашистскую атаку возобновили, я вскочил на кренившуюся автомашину к установке. Сначала вёл огонь по мотопехоте, которая цепями шла на меня. Я их остановил, а многих — навсегда. В воздухе появились Ю-87, я дал длительную очередь, самолёт вспыхнул и развернул обратно, но вскоре врезался в землю и взорвался, два других пронеслись, ведя пулемётный огонь по мне. Мои глаза были залиты солёным потом, но в этот час позади себя слышу голос твоего деда: «Так, так, Качайло, бей их, подлецов!» Я не представляю, каким я был в то время, но очередь за очередью я сбил второй самолёт, который при развороте взорвался в воздухе. Ваш дед с восторгом сказал, что мной был сбит ещё один стервятник.

В этот момент ко мне подскочил лёгкий броневилок, разорвавшийся снаряд пробил его левую дверцу. Я соскочил с установки, и мы с твоим дедом вытащили с броневика тяжело раненого в обе ноги водителя, который сказал: «Качайло, комбриг приказал отходить». Впоследствии (после войны) я узнал, что комбриг погиб героически у лафета 76-мм орудия, где немцы на груди ему и друзьям вырезали звёзды. Но было поздно уже отходить: на мой расчёт неслось звено Ю-87. Я бросился к расчёту, но разорвавшаяся авиабомба прикрыла меня землёй. Я пришёл в чувство, когда немецкий врач приказал открыть меня из-под земли и привёл меня в чувство. Меня он спросил на русском: «Сколько тебе лет?» Я ответил ему на немецком, что двадцать два. Он покачал головой, отобрал у меня пистолет, бинокль, планшетку и мех. шубёнку. После нас тринадцать человек раненых и контуженых (среди нас был там водитель броневика, которого я вытаскивал с дедом Вашим с броневика) повели к их штабу. Но с того момента я деда Вашего больше не видел. По пути к штабу немец-конвоир приказал оставить водителя возле той

Среди гостей пошел шумок, оживились фотокорреспонденты. Заклацали затворы, заплясали вспышки. Помощники быстро увели губернатора из зала.

Откуда мог знать губернатор, что позвали не тех писателей! Его продвинутые помощники по ошибке, а скорее ради хохмы и в пику писателям, которых они в упор не хотели видеть, ошастливили любителей поэзии из литкружка. Людей смирных, порядочных, но к писателям не имеющих никакого отношения.

Новый губернатор позвал писателей на встречу. Загодя, за месяц до события, министр культуры пригласил к себе руководителя писательской организации и сказал:

— На встречу с губернатором отобрать 10 писателей. На каждого — характеристику. Подготовить одного выступающего. Никаких просьб, особенно финансовых. Губернатор знает о ваших трудностях.

Руководитель от имени губернатора пригласил на встречу 10 писателей. Сам же стал готовиться выступить.

Через неделю министр позвонил руководителю.

хаты, где я вечером и рано утром пил молоко. А мне приказал идти в колонну.

Раздался выстрел. Я увидел, как водителя тело вздрогнуло, за это меня конвоир ударил прикладом карабина в спину: я упал в снег, а он, целясь на меня карабином, приказал идти в колонну.

Возле штаба нас раздели и разули, а владисовец говорил: «Вам далеко уже не идти. А нам далеко».

Пройдя метров до ста от их штаба, я услышал — немцы остановились, остановились и все мы за три метра от них. Один из наших просил немцев: «Пан, не стреляй, у меня трое детей, жена, родители».

Я же в то время взглянул на небо и в мыслях подумал: «Господи, мне ещё двадцать два года, разве я здесь погибну?»

Раздалась автоматная очередь, и первым упал тот, кто просил у пана-фашиста помощи. В тот миг упал и я лицом в снег, хотя его было 3—4 см. После хмаристого неба на закате вечера появилось красное солнышко. Я увидел его, и вновь мысли заработали мои: «Господи, дай я посмотрю на твоё небесное солнышко!»

Вдруг очередь для проверки: две пули пронзили мне спину у левой лопатки. Одна пуля, разрывная, сделала разрыв 17х9 (мм?), а вторая прошла возле сердца на 2 см. Я очнулся, когда меня подобрала наша разведка. Мой близкий друг и земляк (он с Полтавы), капитан первого ранга Андрищенко, сделал мне перевязку первичную на второй день и отправил в медсанбат. Лечился в Саратове, в госпитале 13—15, тоже Полтавский эвакуогоспиталь. Потом был вновь во 2-й армии (командующий Крейзер Я. Г.) во 2-м корпусе 5-й мехбригады при особой разведке. Легко и тяжело был ранен на Саур-Могиле в Донбассе. После излечения воевал в Ломоносовской дивизии от ком. роты до ком. батальона. Тяжело был ранен в левую руку, которую мне ампутировали.

Возвратился домой. Немцы сожгли наше хозяйство, которое районная комиссия г. Ахтырки оценила в 55 тыс. рублей. Но Москва деньги с немцев содрала, а нам не уплатили и не оказали никакой помощи. Пришлось строить с одной рукой, стареньким отцом и матерью да больной сестрой. К тому ещё осталось четверо племянников. Сестру придавило после обвала стеной, а зять погиб на Днепре. Тридцать лет я не получал пенсии, надо мною смеялись соседи и близкие, так как я числился в списках потерь, погибших на фронте.

Благодарю Господа, что дал мне красивую жену, которая не посмотрела на моё увечье, вышла за меня замуж, и мы имеем два сына и две дочери, пять внуков и четырёх правнуков. Наконец терпенье моё прекратилось, меня разыскали друзья. Два раза был на приёме у Брежнева. Выступал по телевидению 5-го канала, в Останкино бывал с женой и семьей на своих фронтовых путях. Получал пенсию 345 рублей в месяц, но за прошлые годы всё кануло в пучину. Моя жена в возрасте 74 лет ушла на небо, уже один год и восемь месяцев.

Мне уже 78 лет, мне одинокому очень тяжело. Это всё, что мной написано, есть горькая правда. Я Вам дал ответ, потому что мы с дедом Вашим видели смерть. Господь спас меня, и я верю лишь Ему, а больше никому. С уважением к Вам и семье Вашей.

(Из письма Николая Ивановича Качайло. Украина. Сумская область. Ахтырский район. Село Бугриватое. 1.10.1998 г.)

— На встречу с губернатором приглашаются только 3 писателя.

Руководитель извинился перед семью писателями и подтвердил троим о готовности к встрече.

Еще через неделю новый звонок:

— На встречу с губернатором приглашается 1 человек.

Руководитель извинился перед двумя писателями и стал готовиться к встрече...

В итоге получилась загогулина. Если помощники губернатора и министр сами решают, сколько писателей приглашать и о чем им говорить на встрече с губернатором, то, как говорится, за губернатора обидно.

Если же губернатор сам приглашает к обедне десятерых, потом вычеркивает семейных, а потом еще двоих — то... я могу только посоветовать.

— Господин губернатор! У писателя Гоголя есть небольшой рассказ «Коляска». Прочитайте его! В любом случае, не приглашайте больше писателей к обедне. Писатели — скверные люди, они имеют свойство писать рассказы, которые читают и через двести лет.

Николай АЛЁШИНЦЕВ
(Великий Устюг)

ДВЕНАДЦАТЬ ГЕОРГИНОВ

Весенний рассказ

В ПОСЁЛКЕ городского типа «Д...» проживала симпатичная девушка. Жила нормально: выдавала книги и принимала их обратно, ходила по домам, таскала на себе тяжеленную сумку с томами. Проводила интересные мероприятия. Раз в месяц ездила в город с отчётом о трудовой деятельности и мечтала, что однажды к ним в посёлок придет рыцарь на белом «Вольво», увидит её, бросится на колени и воскликнет: «Как долго я искал тебя!»

Потом он схватит её в охапку и увезёт в далёкий южный город, где растут ананасы, падают переспевшие персики, а в далёком море то и дело распускаются, словно огромные розы, алые паруса кораблей, чьи капитаны устали от холостой жизни и едут за своей Ассоль. Годы шли, но ни рыцаря, ни белого «Вольво» так и не появлялось. Местные же ребята, добродушные и робкие, иногда приносили рыбу или дичь, ими добытую, а один даже «свистнул» со школьной клумбы двенадцать георгинов и притащил их в библиотеку на её день рождения. Вместо того чтобы обрадоваться, она, изображая досаду, пересчитала цветы, выбросила их в приоткрытое окно, покрутила пальцем у виска и крикнула: «Дурак, чётное количество цветов носят только на кладбище. Такой

праздник испортил. Чего с тебя взять? Убирайся!»

— Так ведь это я,— начал оправдываться парень. Хотел сказать, что...

— Убирайся с глаз! — прервала его девушка и бросила в ухажёра томом Эдгара По.

Будет справедливо именно сейчас открыть секрет, почему всегда спокойная и добрая сердцем девушка вдруг превратилась в злобную горгону. Всё дело в том, что как раз накануне случившегося ей удалось прочитать книгу о Клеопатре. Будучи впечатлительной, она тут же решила подражать египетской царице, и бедный паренёк первым попал под это преображение. Не всем книги одинаково полезны.

Вечером, после того как из-за праздничного стола гости ушли, не забыв сказать на прощание ободряющих слов, она осталась одна и, вспомнив, как гадко вела себя по отношению к пареньку, принёсшему цветы, едва не расплакалась. «Дура! — говорила она себе.— Парень от всего сердца подарил, а я его ещё и облаяла. Ой, дура! Откуда ему знать такие тонкости про цветы, если он не только сам не умирал, но и все его родственники, слава Богу, живы. И парень-то вовсе неплохой, только уж больно какой-то свой, не романтичный. И уж на колени, понятно, не бряк-

нется. Дождёшься от них. Умрёт от любви, а чтобы на колени — нет. Гордый тоже. Ушёл, только дверь грохнула».

Друзья, простите великодушно: я до сих пор не представил вам героиню этого рассказа. Немедленно исправляюсь. Библиотекаршу звали Алей. Было ей двадцать два года. Если бы над ней поработали стилисты из передачи «Модный приговор», она легко затмила бы не только невест из «Давай поженимся», но и ведущую этой передачи.

Беда в том, что сельские девушки, и даже девушки из посёлков городского типа слишком хорошо воспитаны, чтобы предлагать себя как товар, причём зачастую лысым, плохо воспитанным женихам из прошлого века.

Аленька, как звали её все поселковые пенсионерки, решительно была хороша и не могла не восхищать мужчин, которые, будьте уверены, разбирались в женской красоте.

Парень же, принёсший розы, после Алиной истерики больше к ней не подходил. Мало того, цветы с поселковых клумб он носил её подруге, и всегда нечётное число. Ревность поселковой девушки была менее разрушительной только потому, что у неё не было царских возможностей. К тому же, Аля кончила десять классов и библиотечный техникум, чем выгодно отличалась от безграмотной гречанки, дьявольскими ухищрениями захватившей египетский трон. Более того, наша славная героиня была куда более воспитана и считала плохим тоном мстить всем окружающим за собственную ошибку. Если сказать проще, то Але было просто обидно, что ей предположили подругу. Но переживала молча. Каждую свободную минуту в те лёгкие дни она посвящала чтению, пытаясь понять, как бы вела на её месте Наташа Ростова, и чтобы сделал после её выходки, к примеру, Андрей Болконский, Пьер

Безухов, да и сам граф Толстой. Выводы были неутешительными и, главное, неприемлемыми для подражания в её положении. У Наташи всегда был выбор подходящих женихов, а Андрей и граф Толстой просто перестали бы её замечать, и это было бы оскорбительно. Разве что Пьер, добрая душа, смог бы простить ей непотребное поведение и принять такой, какой она получилась в жизни.

Прошёл год. Рыцарь явно заблудился или получил изрядную трёпку, суясь не в свои дела. К тому же и парень, его отвергнутый, уехал на север. Подруга говорила, что он хорошо зарабатывает, что скоро приедет и сделает ей предложение.

Однажды Аля шла из дальней деревни, куда ходила обменивать книги, и с грустью думала о своей судьбе. Осенние берёзы, заступавшие на обочину дороги, сыпали золотом, и оттого ей показалось, что она идёт не по знакомому просёлку, а каким-то сказочным золотым коридором.

Ах, как не хватало рыцаря, чтобы восхищённое сердце девушки нашло, наконец, своё счастье! И он явился. В золотом проёме просёлка показалась белая «семёрка», поравнялась с Алей, и из неё вышел тот самый паренёк, но уже возмужавший и какой-то особенно серьёзный. Он открыл дверку своего «Жигулёнка», невзирая на Алькино сопротивление, посадил её в машину. Девушка поняла: пришёл час расплаты, и уже хотела зареветь, но машина развернулась и пошла в сторону посёлка. Берёзы сыпали золото, из осенней хмари небес вырвались солнечные лучи, и дорожный коридор вспыхнул ярко-жёлтым пламенем.

Неисповедимы лабиринты любви. Разве мы до слёз и мучительной боли не влюблялись в того, кто, отвергая нашу любовь, сам страдал от невнимания. Кого не бросало вниз и не било о донные камни бесконечное море любви, но оно же

ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ

Александр ГРЯЗЕВ

ПАМЯТНАЯ ИСТОРИЯ

6 ИЮНЯ 1880 года в царствующем и преименитом граде Москве — древней столице российского государства свершилось знаменательное событие. На площади у Страстного монастыря благодарные потомки открыли памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Памятник был воистину всенародным: деньги на его сооружение — сто шесть тысяч пятьсот семьдесят пять рублей и десять копеек — собирали по подписке по всей России. И с той поры вот уже вторую сотню лет к памятнику Пушкину, изваял который русский же скульптор Александр Михайлович Опекушин, не зарастает «народная тропа».

Таким же памятником признательности и тогда же мог бы стать монумент еще одному российскому поэту — другу и учителю Пушкина — Константину Николаевичу Батюшкову.

В те же самые восьмидесятые годы того века, когда в Вологде торжественно отмечали столетний юбилей великого земляка, впервые была высказана мысль о памятнике Батюшкову в речи тогдашнего предводителя дворянства Д. В. Волоцкого, который заявил, «что будет возбуждено ходатайство перед правительством об открытии повсеместной по России подпски на сооружение памятника К. Н. Батюшкову в родном его городе Вологде... в Александровском сквере».

Речь Д. В. Волоцкого и в наши дни прозвучала бы достойно, ибо и через сто лет, минувших с того дня, слова его современны.

«Батюшков,— сказал Волоцкой,— в поэзии был учителем Пушкина. Уже одним этим он оказал несомненную услугу литературе и имеет, конечно, полное право на внимание и уважение со стороны своих соотечественников, а тем более сограждан. Я вполне уверен, что интересы просвещения дороги каждому из нас, близки и памятны, поэтому должны быть и те люди, которые своими творениями способствовали развитию в обществе высших сил ума, благороднейших стремлений человеческого сердца и указывали лучшие идеалы жизни.

Памятники таким прославленным людям родины вместе с памятниками славы народной, возбуждая высокие чувства патриотизма, служат выражением народного самосознания и вместе с тем указывают на связь прошедшего с настоящим, отживших поколений с грядущим. Честь и слава страны требует от потомства признательности и уважения к заслугам своих знаменитых сограждан. Эта мысль во всех странах Европы давно уже вошла в сознание образованных классов общества. Подтверждением ее у нас в России служат памятники Ломоносову, Державину, Карамзину, Кольцову, Пушкину, воздвигнутые в местах их родины...

Мне кажется, что и от нас долт требует позаботиться о сооружении подобного памятника родному нашему поэту К. Н. Батюшкову.

Такой памятник, поставленный на видном месте города, будет постоянно напоминать каждому воложанину, что и среди нас были достойные люди, заслуги которых ценит признательное потомство, а эта мысль способна незаметным образом укрепить в человеке сознание своих гражданских обязанностей и вызвать стремление к полезному и честному труду на благо своей родины».

Вологодское земство тогда же, в 1887 году, одобрило предложение о сооружении памятника Батюшкову, но дальше этого дело тогда почему-то не пошло. Учреждена была лишь при Вологодской классической гимназии стипендия имени поэта.

Потом о памятнике совсем забыли, а в нынешнем веке вспомнили только в шестидесятые годы, когда готовились в Вологде отмечать 175-летие великого земляка. Молодая, ей исполнилось всего полгода, вологодская писательская организация на своем собрании 24 января 1962 года подготовила предложения для властей города и области по празднованию юбилея поэта, одним из которых рекомендовалось «провести конкурс или поручить лучшему вологодскому скульптору А. Щепелкину разработать проект памятника К. Н. Батюшкову и просить Совет Министров РСФСР разрешить поставить такой памятник в Вологде».

По каким-то причинам, теперь нам неизвестным, эта благородная мысль писателей-вологжан, так ясно опять прозвучавшая, в дело не обратилась. Хотя скульптор из Череповца А. Щепелкин проект

памятника разработал, а снимок эскиза его был даже опубликован в молодежной газете «Вологодский комсомолец» в 1966 году. Поэт был изображен скульптором сидящим с раскрытой книгой на коленях.

Далее этого дело не пошло, но мысль жила, и о памятнике поэту заговорили вновь в конце семидесятых годов. По просьбе вологжан московский скульптор Вячеслав Клыков разработал новый проект памятника К. Н. Батюшкову, а в 1980 году этот проект был принят художественным советом министерства культуры России. Но еще семь лет понадобилось, чтобы памятник Константину Николаевичу Батюшкову встал в его родном городе на берегу реки Вологды у Соборной горки — любимом некогда месте его прогулок.

А случилось это событие 28 мая 1987 года в 200-летнюю годовщину поэта. Вологда наконец-то отдала свой долг великому сыну, завершив в этот майский день столетнюю историю создания ему бронзового монумента.

Сам памятник необычен и нетрадиционен для поэтических композиций: Константин Батюшков стоит, держа в поводу своего боевого коня. Будто возвратившись на родную землю после скитаний и боевых походов, решил он отдохнуть от многотрудных дел. Да так оно и было в его беспокойной и непоседливой жизни. Недаром тушка поэта Екатерина Федоровна Муравьева называла племянника «кочующим калмыком».

У поэта-воина было за плечами три войны, бои и ранения. И все эти годы рядом верный друг его — боевой конь, как и теперь, в бронзе. Не тот ли самый, что вывез его однажды ночью от бивака французов и тем спас ему жизнь?

Куда бы ни заносила Батюшкова

и поднимало на вершины жизни, благодарило судьбу за встречу с единственным и самым необходимым человеком. Возможно, что-то получится не так, как мечталось. Ну и что? Любовь была, есть и будет, и она бессмертна.

Парень повернулся к Але и сказал:

— Я всю округу обкатал, пока нашёл тебя. Завтра у меня свадьба, ты свидетельницей не побудешь у моей невесты?

Клеопатра, эта чёртова баба из древнего Египта, сбежала из саркофага и немедленно переселилась в Алину душу. Ей стало больно, и чтобы хоть как-то избавиться от этой раздражающей душу боли, она рванула ручку у дверки автомобиля, но — слава отечественному автопрому! — ручка, не выдержав столь неуважительного к себе отношения, отломилась.

И тогда Аля заплакала. Небо снова подёрнулось сулящими дождь облаками, а парень остановил машину. Достал из багажника большой пакет и, обойдя машину, открыл дверку со сломанной ручкой. Поднял с сиденья девушку, осторожно вытер слёзы с её щёк и открыл пакет.

— Здесь двенадцать георгинов,— сказал он, высвободив цветы.— Ты принесёшь их на кладбище, если прямо сейчас не согласишься быть моей женой.

— А как же подруга? — прошептала Аля.

— А подруга согласилась быть свидетельницей с твоей стороны.

Он неловко впихнул букет в руку девушки. Та, всё ещё не веря случившемуся, достала, не считая, из серебристой упаковки один цветок и положила его на жёлтую от листьев обочину дороги...

Ах, дорогие мои читатели, как иногда немного надо, чтобы сказать о своей любви и согласии. Достаточно убрать из букета один цветок. Или добавить.

судьба, он помнил родные края и мечтал о встрече с родиной. А в одном из стихотворений 1814 года так писал поэт:

...Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны выюги, непогоды,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!
На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса,
И под окном в часы вечерни
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает.
Тебя, соратник мой!

У подножья памятника бронзовые слова: «Батюшкову от благодарных потомков». Да, именно так, лаконично, просто и емко. Ибо сей памятник не только от нынешних вологжан, но и от тех потомков, кто сто лет назад задумал увековечить Батюшкова в бронзе. Да, именно так: от всех благодарных потомков!

Вот она — «связь прошедшего с настоящим», а нынешнего времени — с будущим!

Уместны были бы на памятнике и гениальные строки поэта:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

С «памятью сердца» — благодарностью к людям и родине жил поэт и завещал каждому из нас хранить ее в душе своей. И этот бронзовый памятник поэту есть память сердца его благодарных потомков!

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

ВЕСНОЙ в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. Жизнь и земля со всею природой выходят из своих берегов и топят душу в безжалостном счастье. Это тогда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала.

Прошла единственная минута, короткий момент исчезания последнего холода. Ушла, изморилась вконец поверженная апрелем зима. Вот в тревожной темени родилось и двинулось всесветное, уже не слютое, а тугое, плотное тепло, превращая себя в мощный и ровный ветер. Дрогнули готовые распуститься деревья. Где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сшиблись широкими лбами темные облака. Неяркая вешняя молния сиганула в лесную теплую мглу, и первый трескучий гром чисто и смело прокатился над миром.

Будто раскатилась каменка нездешней, какой-то сказочно богатой бани.

Странная тишина томится в лесу после этого грохота. Ветер не дует, а давит сплошь, все замирает.

Дождь прошипел в ночи обильно и коротко. Везде в снующей, исчезающей темени сопит пахнувшая корнями земля: это зашевелились в несметном числе травяные ростки, поднимая и распахивая прошлогодние листья, хвоинки и сгнивающие сучки.

Утром золотые столбы испарений поднимаются в лесных прогалинах, словно добрые призраки, они безмолвно и быстро меняют свои исполинские контуры. На березах еле слышно оживают размякшие

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КЛАССИКА

Василий БЕЛОВ

«ЧУВСТВУЮ
ОЩУЩЕНИЕ
СЧАСТЬЯ...»

ветки, от лопающихся почек они тоже меняются, делают свой уток и основу. На восходе легко и неторопливо выпрастываются из почек маленькие, в детский ноготок, листочки. Солнце выходит очень быстро. Яростно-новое, с неопределенными очертаниями, оно греет еще бледную, но густую с каждой минутой зелень березняка. Птицы поют вздохом, земля продолжает сопеть и попискивать, все поминутно меняет свой образ. Везде в мире жизнь и свобода, и сердце соперничает чувством освобождения: да не будет конца свободе и радости!

Да не будет конца. Но там, за чередой весенних дней, земля уж обрастает жирной травой. Зеленъ полян незаметно теряет свою первозданную свежесть, и жесткими бородавками покрывается когда-то нежный березовый лист. Ленивеют и толстеют в

небе опаловые облака, идущие все в одну сторону, надменно, самодовольно начинают рычать огрубевшие громы. И тогда в лесистых чащобах рождаются полчища кровожадного гнуса, ползут и ползут по веткам бородатые мхи. В земле, меж миллионов корней, враждующих и борющихся за ее кровь, цепко ветвятся, проползают грибки. И никому не известно, что творится в темном земном нутре, только поверх тут и там поднимаются красные шапки мухоморов. В такую пору в лесу впервые ощущается запах гнили. Еще не стихло зеленое, разнужданное пиршество лета, а нити грибных дождей уже напрасно сшивают самобранную июльскую скатерть: в сентябре одно за другим все умирает, засыпает будто в похмельном сне.

Зачем же, ради чего была тогда и весна? Если в декабре снова все в мире оцепенело,

если опять все сковано ледяными цепями, белою снежною шубой?

Но снова ждешь почему-то такой же весенней ночи. Ждешь, хотя знаешь, что с нею придет то же самое и что все будет толь-в-толь, как и раньше.

1968

Осознанно и глубоко чувствую ощущение счастья... Может быть, счастье сквозит в лесной свежести или источает его январь болотной морошки?.. Еще не пришла земная усталость, еще переполнены зеленой кровью деревья и травы моей родины. И речка наша чиста, и совесть моя, когда я ныряю, вернее, падаю в отраженное омутное небо. Разве это не радость, разве это не счастье? Великое счастье иметь просто друзей, а у меня, кроме этой зеленой родины, есть родные. Пусть они далеко от меня, но они рядом, я слышу и вижу всех. Я настолько счастлив, что по запаху различаю сосновый, березовый и ольховый дым... Курлыкают журавли, ночующие в холодном поле, а в моем доме звучит бессмертная «Осенняя песнь». Всё собралось в этих неувыдаемых звуках: и многоцветье полевых трав, их многотысячные запахи-голоса, сливающиеся в один ароматный хор, и высокое солнце в шадящем неполном зените, и горизонт, искаженный струями марева, и отрада полуденной тени. Никуда ничего не исчезло... Я слушаю гениальные звуки, проникающие и вечные. Они заставляют думать, что разницы между живыми и мертвыми не существует. Душа бессмертна, потому что одна и ни на кого не похожа.

«Душа бессмертна», 1992

О СЕРГЕЕ ЧУХИНЕ

ЗАБЫТАЯ СТРОКА БИОГРАФИИ

СВЁЛ нас с Сергеем Чухиным воспетый Николаем Рубцовым Липин Бор: «Где только ветер, снежный ветер заводит с хвоей вечный спор». А точнее — редактор возрожденной районной газеты «Волна» Василий Елесин, собиравший в свой коллектив подающих надежду и уже талантливых ребят со всей области.

Не знаю точно, но думаю, с подачи Николая Рубцова, который был дружен, как с Елесиным, так и Чухиным, Сергей, перейдя с очного отделения Литинститута на заочное, приехал в Липин Бор работать радио-организатором. Меня с восемью классами образования и несколькими написанными рассказами В.Д. Елесин принял на освободившееся место литературным сотрудником. Так мы и оказались в одной редакции. Почему-то нигде не нашёл я в биографиях поэта этой страницы его жизни. Есть Вологодский пединститут, есть Литературный, есть Грязовец, «Вологодский комсомолец». Но ни слова о Липином Боре.

Я не могу сказать, что мы с Сергеем были друзьями. Теперь, по прошествии почти полувека, не припомню, чтобы в Липином Бору он вообще с кем-то дружил. Сергей по натуре своей был одинок, жил наедине со своими мыслями, чувствами, переживаниями и кого бы то ни было, не хотел впускать в это своё одиночество. У него со всеми были просто ровные отношения. Вот и я не хочу называть то состояние дружбой, чтобы не уподобляться тысячам тех, кто когда-то где-то вместе с великими был в одной компании.

С Сергеем Чухиным мы просто вместе работали, вместе жили, проводили выходные.

Сначала мы делили редакционный диван, что стоял в нашем кабинете. Люди постарше помнят такие, с откидными валиками и снимающейся спинкой. Поскольку я вырос длинным, а Сергей был небольшого роста, он великодушно уступал мне собственно диван, на который я укладывал в изголовье старые подшивки газет, чтобы сделать поверхность горизонтальной, а Сергей ложился на снятую и уложенную на стулья спинку.

Потом с чьей-то подачи сжалась над нами жившая в собственном доме неподалёку от редакции мать-одинокка и выделила нам комнатку в надежде, что мы окажем благотворное влияние на её сына-лоботряса. Умещались в том закутке узенькая кровать с пружинной сеткой да раскладушка. И снова Сергей молча уступил мне более комфортное ложе, чтобы не свисали с раскладушки мои длинные ноги. За эту комнатку и завтрак, состоявший из чая с чёрным хлебом и маргарином, мы платили

С. Чухин и Л. Иванов

по 15 рублей и радовались новым условиям. На выходные частенько уезжали на мотоцикле к моей матери за 50 километров, наслаждаться настоящей деревенской едой и отпиваться молоком. А ещё у нас дома была на берегу омула баня по-чёрному, в которой мы отпаривали и отмывали недельную грязь.

Но не из-за этой бани, молока, наваристых щей, тушёной с мясом картошки и забористого домашнего пива ездил со мной Сергей к моей матери, где помогал мне делать что-то по хозяйству, поскольку отец мой умер, когда я учился в пятом классе, а по дому мужская работа всегда находилась. В первую же поездку Сергей был очарован местной красавицей, на следующий день написал для неё стихотворение, которое я потом так нигде и не видел опубликованным.

При всей своей скромности иногда, после стакана портвейна, был он значительно смелее обычного и не стеснялся произнести впечатление. В одну из поездок ко мне в деревню, обратно мы возвращались кружным путём через Белозерск. Там у нас до отправления грузотакси, которые в те времена заменяли автобусы на линии Белозерск — Липин Бор, было часа три свободного времени. Денег оставалось в обрез, тем не менее, мы распили бутылочку портвейна и зашли в книжный магазин. У Сергея как раз вышла первая книга стихов «Горница». Несколько экземпляров оказалось и в том магазине. Сергей купил все, одну тут же подарил симпатичной продавщице, спросив имя и сделав какую-то запись.

Потом походил вдоль полок и вдруг за-

кричал: «Лёнька, да тут и твоя книга тоже есть» и подал мне книгу омского писателя Леонида Иванова. Она была в одном экземпляре, благо — без фотографии автора, поэтому помогла произвести на продавщицу большой фурор: сразу два писателя, один молодой, а второй вообще юный, и уже книги выпустили. Засомневалась девушка, но мы с важным видом показали свои редакционные удостоверения и ушли под её восхищённые взгляды. А в кармане осталось чуть больше рубля. Только на дорогу. И повёл меня Сергей в редакцию. Там быстро настучал на машинке несколько страниц своих стихов, тут же авансом получил за них гонорар, и мы стали кум королю.

Позднее он со смехом вспоминал это приключение. Кстати, иронизировал он не только над собой, но и над другими, сочинял к праздникам шуточные стихи, писал эпиграммы. Одним из таких было «День полочки в редакции», где каждому отводилось по его заслугам. О себе он писал:

Лесники прибежали за помощью —
Кто-то сосен в бору навалил.
Это Чухин Сергей тёмной полночью
От сельмага дорогу торил.

Вечерами, ещё когда мы жили в кабинете редакции, я учился печатать на машинке, а Сергей, предварительно плеснув в стакан портвейна, уходил гулять по парку, на окраине которого располагалась редакция. Парком местные называли большую сосновый бор в самом сердце райцентра. Погуляв пару часов по тропинкам, Сергей возвращался в кабинет, садился за стол, набрасывал новое стихотворение и складывал его в

ящик, где лежало несколько десятков таких же незаконченных. Спустя пару недель он выбирал какой-то текст и начинал над ним работать, меняя рифму и даже целые строки и строфы. И эта работа над словом была для меня наглядным уроком, которому следовало учиться.

Сергей был старше меня на пять лет, да ещё настоящий поэт, учился в Литературном институте, был другом Николая Рубцова (кстати, дружбой с кем бы то ни было Сергей никогда не бравировал), поэтому я ловил каждое его слово, учился на ходу, и с гордостью могу говорить, что мне несказанно повезло, что в моей жизни встретились Василий Елесин, Сергей Чухин, мои немногим старше меня коллеги по редакции — Владимир Чухин, Виктор Фофанов, Адольф Алексеев.

Потом Сергей уехал из Липина Бора, я ушёл служить в армию. Мы время от времени виделись в Вологде, куда я часто приезжал на съёмки, работая на Череповецкой студии телевидения. В редакции газеты «Вологодский комсомолец» он подарил мне один из своих сборников на память о жизни в Липином Бору.

В 1984 году мне предложили работу в Тюмени, и я уехал туда, а спустя год я узнал о трагической гибели Сергея. Его сборники стихов стоят у меня в шкафу, время от времени я перечитываю их, вспоминаю свою юность и тех, с кем свела меня судьба. А о поэзии Сергея Чухина и Николая Рубцова часто рассказываю на встречах с читателями, декламирую им любимые стихи.

Леонид ИВАНОВ,
член Союза писателей России,
руководитель Тюменской областной
организации Союза писателей России

МНЕ ЛЮБО ВСЁ

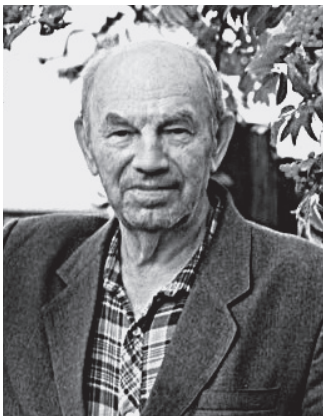
На родине мне любо всё:
И речки неглубокая водица,
Где только рыбной мелочи водиться,
И где со дна чернеет колесо.
Люблю на родине я дождь.
А непричесанное поле,
Где в осень отбурела рожь,
До слез меня щетиной колет.
Когда густая ночь идет на убыль —
Ведь это тоже надобно понять! —
Ночная темь ползет в печные трубы,
Чтоб на закате выглянуть опять.
Утрами синими под воркованье горлиц
Хмель и петь бываю страшно рад,
Когда березы, что белее звонниц,
О мае в небесах колоколят.

Сергей ЧУХИН
1968

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Иван ПОЛУЯНОВ

Полуянов Иван Дмитриевич (6.08.1926–2.01.2008) родился в деревне Киселево Нюксенского района Вологодской области. Окончил Архангельский педагогический институт. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. С 1957 года член Союза писателей СССР. Автор более тридцати книг прозы, вышедших как в местных, так и в центральных издательствах. Жил и работал в Вологде с конца 1960 года. Главное место в творчестве И. Д. Полуянова – темы жизни детей и юношества, отношений человека с природой. Для него в природе нет тайн, он – писатель, натуралист и ученый-исследователь. Книги И. Д. Полуянова «За синей птицей», «Месяцеслов», «Солнцеворот», «Где рождаются облака», «Одолень-трав» вошли в золотой фонд русской литературы, повествующей о природе. Они стоят в одном ряду с произведениями М. Пришвина, В. Бианки. Без его книг невозможно представить уроки природоведения в школах области. Итогом многолетних исследований, научных изысканий И. Д. Полуянова стала книга «Деревенские святцы» (1998), получившая широкий отклик в СМИ и удостоенная Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству за 1999 год. В ней Иван Дмитриевич реконструирует устные численники-месяцесловы, своего рода деревенские святцы, тесно связанные со святцами церковными. В противоположность нынешним календарям, указывающим лишь месяц, день недели и число, в народном календаре каждый день был особенным, ему сопутствовали народные приметы, поговорки, прибаутки, песни, обряды. «Деревенские святцы» являются настольной книгой учителей не только Вологодчины, но и Владимирской, Ярославской и других областей России. Читая ее, дети и взрослые учатся понимать и любить родную природу. Кроме того, они получают и эстетическое воспитание, ибо художественные достоинства книги неоспоримы. И. Д. Полуянов – автор широкомасштабной народной эпопеи «Самозванцы» (2005), в которой он с редкой художественной силой повествует об эпохе Смутного времени на Руси.

МАЙ – ТРАВЕНЬ

СТЕКЛЕНЕЕТ воздух, освежен прохладой ночи. Поляны, прогалины раздвигаются, тесня хвойный сумрак, будто предстоит им принять в себя что-то огромное, чему нет меры, нет грани. Лужи запоблескивали, точно низинная чащоба вдруг открыла очи. Небо разбавляется блеклой синью, и они синют, моргнуть не смея, следят, как ширятся прогалины, как квелые былинки тшасты встать на цыпочки – в шершавых листьях капли влаги.

Почки берез прощипнулись, каждая подвыпустила зеленое ушко. Остры, любопытны ушки, доступно им самое тайное, сокровенное: как под корой берез бродят соки и во мраке подземелья барсук голубит детенышей; как прошлогоднюю, истлевшую в труху ветошь прошивают всходы трав и белоснежная кислица узорит мхи, словно вяжет кружева.

Наконец вовсю развиднелось.

Мгновенье – и крону сосны осеяла золотая пыль.

Белесой берестой стыдливо зарделась береза.

Дремучая ель, очнувшись, сучья оправила, готова лапы вытянуть по швам...

Солнце, встает солнце!

Лужи пустились расплескивать жаркие пятна бликов по пням-выворотням, серым стволам, ключам сивых лишайников. Побежали трепетные тени, затеяв беспечную кутерьму.

Песен, песен-то – тишина вдребезги! Прибывает их, полнится птичий хор от минуты к минуте.

Голоса нет, дятел в сук барабанит. Выпь на болоте, макая клюв в воду, исходит бычим мычаньем, и собачонкой тявкает куропатка, перелетая по кочкам. Журавли кружатся, впрысдку откалывают головокружительные коленца.

И в полях, лугах что ни куст – то щебет и свист, и в лесах что ни веточка – то песенка.

Мокро запоблескивала хвоя: журмуются елки-вековухи, слеза умиления прошибла, оттого ли что укоротились ночи, солнце слепит лужи, самосильно в рост прет трава...

Как не расчувствоваться, ведь уже май!

– Жизнь... жи-и-знь! – чудится издали в восторженных выкриках журавлей.

Но позвольте, свет и солнце – май тут причем?

Но птичьему хору разве он дал запев, если вспомнить гусельки синиц с тополей в

месяц-просинец, звоны королька с хвойных колоколен в почин позимья?

Право, что у мая для весны в доле?

На Севере дальнем он продолжает дело апреля-водолея, снегогона и солнечника. Ведь в начале мая происходит вскрытие Северной Двины у Архангельска, других больших рек, впадающих в Ледовитый океан.

Разливы бывают огромны, иногда разрушительны. Так, в 1811 году уровень воды поднялся на 6 метров, пригороды Архангельска, особенно Соломбала, буквально тонули. 70 лет спустя грозный паводок повторился. У окрестных, ближних к губернскому центру деревень были потери: «унесло водой 57 домов, 163 амбара, 81 мельницу, 1165 мелких построек».

Для лесной, более южной полосы май – это сиреневый дурман волчьего лыка, глазурью облитая желтая калужница, неслышимый звон колокольцев сон-травы, душистая кипень черемух... Всяк убедись, насколько вправе маю зваться травнем-цветнем.

«Май – под каждым кустиком рай» – скажи-ка точнее и поэтичней устных календарей.

Пробудилась земля, ручьи живой водой ее отпоили, но нивам даст дыхание едино плуг и борона. Апрель гнал снега с полей, пажитей, заливал луга тальми водами, тебе, май, гнать траву скоту под копыто, пашни строчить всходами...

Ясно, ясно, чем славен май – под каждым кустиком рай. Так-то так, да не всегда. Последний весенний месяц отнюдь не чужд крайностей. Жару май поддаст – хоть разденся, а ветры-сиверы подведут пахарей: «Май – коню сена дай, сам на печку полезай». «Май обманет, в лес уйдет». И вообще, – ишь, «захотел ты в мае добра»!

Для нас за обычай, что травень-цветень на елках снегурок лепит, у ручьев утренниками отбирает переливчатые наигрыши.

Судить по устным численникам – «майский мороз не выдавит слез». Напротив, холода во благо. О майском снеге говорили: «Внучок за дедушкой пришел». Он нисколько не в урон. «Снег наземь – тот же назем (навоз)». «Снег поля утучняет».

Холодно, да в меру; сыро, да без затяжного ненастья; тепло, пусть знойно, только чтоб без засухи – колебания погоды не беда, не затягивай они развертывание сезонных работ.

На всех трудно угодить: дожди оживляют озими, хороши для всходов яровых, зато пагубны садам. Легкие заморозки посевам

яровых вряд ли вредят, зато бьют на грядах рассаду.

Ладно нам о капусте и яблочках. Хлеб – крестьянская забота. Сейчас «время дорогое – мужику нет покоя». «Весной пролежишь – зимой с сумой побежишь».

Опять из деревенских святцев советы, о будущем догадки:

«Первый гром с запада – к урожаю».

«Хвощ прет – на недород».

«Зерновые выдадутся – травы не изладятся».

«Много выморочек-проплешей на озимях – к грибному году...»

Надежды с тревогами пополам! Что ж, затем хранимы были календари, дедов-прадедов заветное, чтоб держать селян в постоянной готовности противопоставить стихии свою сметку, расчет сил и возможностей, каким обладали хозяйства. Сознавала деревня зависимость от обстоятельств. Погода не в воле людей. Свой путь к власти над природой искали несчетные поколения земледельцев. В общую сокровищницу знаний вносили вклад и русский, и другие народы. Вот наблюдения чувашей, ставшие сто лет назад достоянием читающей публики:

«Если курицы весной рано с насеста сходят, будет плохое лето, а если поздно, то хорошее».

«У вяза много почек – уродится ячмень».

Чем же майские дни отмечены в деревенских святцах?

Традиции первая, считается, позаимствованы с запада. Смотря какие традиции. В древней Руси на рубеже весны и лета отмечался «гулѣный день», отзвук древнего культа цветов, деревьев, поклонения огню.

Впечатляет самобытность, разнообразие обрядов, сопутствовавших ему на Севере. Скажем, в селеньях Лешуконья, Пинеги, Холмогорщины «гулѣный день» отмечался на угорах. Приносили самовары, угощались чаем, постряпушками – шаньгами, кулебяками с треской, палтусом, со свежей речной рыбой. К ночи на угорах пылали костры. У соседей архангельских поморов – мужиков Оленецкого края – канун пахотной страды отмечали складчиной вокруг соломенного чучела, которое потом сжигалось.

В городах гулянья-маевки проводились в рощах, на берегах рек. Прихватывали с собой снѣдь, в почете, например, были печеные яйца. Раскладывались костры, молодежь пела, танцевала под гармони, под балалайки. В Москве XIX века, где «гулѣный день» справляли или 1 мая, или в первое воскресенье мая, на этот случай в Петровском парке, в Сокольниках строили балаганы-однодневки.

При найме на завод, фабрику рабочие специально договаривались, будет им 1 мая праздником или полупраздником, когда сме-на заканчивается с полудня. Администрация предприятий тогда сама устанавливала количество ежегодных выходных: от 76 до 98 (включая воскресенье).

Правительственный закон 1897 года сократил их число до 66, из них 8 православных праздников, отмечавшихся в определенные дни, и 6 дунадесятых переходящих праздников. Если закон отменил празднование Сре-тенья, Петрова дня, Казанской, ряда других, мог ли уцелеть «гулѣный день» старины?

Доставало в прошлом причин, чтобы сти-лялись в памяти народные месяцесловы.

ИЗБРАННЫЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ ПРАВОСЛАВИЯ И ПРАЗДНИКИ МАЯ

1 мая – Святителя Космы исповедника, епископа Халкидонского, и преподобного Авксентия (815–820). Максимовской иконы Божией Матери.

2 мая – Преподобного Иоанна Великопещерника. Святителя Трифона, Патриарха Константинопольского (933). Преподобного Никифора игумена.

3 мая – Преподобного Феодора Трихины. Мученика младенца Гавриила Белостокского (1690). Кипрской иконы Божией Матери (392).

4 мая – Священномученика Ианнуария епископа и с ним мучеников Прокула, Сос-сия и Фавста диаконов, Лисидерия чтеца, Евтихия и Акутиона (ок. 305).

5 мая – Апостолов Нафанаила, Луки и Климента (I). Перенесение мощей благоверного князя Всеволода, во святом крещении Гавриила, Псковского (1834).

6 мая – Великомученика Георгия Победоносца (303).

7 мая – Мученика Саввы Стратилата и с ним 70-ти воинов (272). Преподобного Саввы Печерского, в Ближних пещерах (XIII). Пре-подобной Елисаветы чудотворицы (VI–VIII). Молченокской иконы Божией Матери (1405).

8 мая – Апостола и евангелиста Марка (63). Преподобного Сильвестра Обнорского (1379). Цареградской иконы Божией Матери (1071).

9 мая – Святителя Стефана, епископа Великопермского (1396).

10 мая – Апостола и Священномученика Симеона, сродника Господня (107). Препо-добного Стефана, игумена Печерского, епи-скопа Владимир-Волынского (1094).

11 мая – Апостолов от 70-ти Иасона и Со-сипатра (I). Святителя Кирилла, епископа Туровского (1183).

12 мая – Девяти мучеников Кизических: Феогнида, Руфа, Антипатра, Феостиха, Ар-темы, Магна, Феодота, Фавмасия и Филимо-на (III). Преподобного Мѣмнона чудотворца.

13 мая – Апостола Иакова Заведеева (44). Святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского (1867).

14 мая – Пророка Иеремии (VI в. до Рож-дества Христова). Благоверной Тамары, цари-цы Грузинской (1213). Иконы Божией матери «Нечаянная Радость».

15 мая – Святителя Афанасия Велико-го, архиепископа Александрийского (373). Путивльской иконы Божией Матери (1635). Перенесение мощей благоверных князей Российских Бориса и Глеба, во святом Кре-щении Романа и Давида (1072 и 1115).

16 мая – Мучеников Тимофея и Мавры (ок. 286). Преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского (1074). Иконы Успения Киево-Печерской Божией Матери (1073).

17 мая – Мученицы Пелагии, девы Тар-сийской (ок. 290). Старорусской иконы Бо-жией Матери (1570).

18 мая – Мученицы Ирины (I-11).

19 мая – Праведного Иова Многостра-дального (ок. 2000–1500 гг. до Рождества Христова). Преподобного Михея Радонеж-ского (1385).

20 мая – Воспоминание явления на небе Креста Господня в Иерусалиме (351). Пре-подобного Нила Сорского (1508). Любечской иконы Божией Матери (XI).

21 мая – Апостола и евангелиста Иоанна Богослова (98-117). Преподобного Арсения Великого (449–450).

22 мая – Пророка Исайи (VIII в. до Рож-дства Христова). Перенесение мощей святите-ля и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари (1087).

23 мая – Апостола Симона Зилота (I). Ки-ево-Братской иконы Божией Матери (1654).

24 мая – Священномученика Мокия (ок.295). Равноапостольных Мефодия (885) и Кирилла (869), учителей Словенских.

25 мая – Святителя Епифания, епископа Кипрского (403). Прославление Священно-мученика Ермогена, Патриарха Московского и всея России, чудотворца (1913). Преподо-бного Дионисия Радонежского (1633).

26 мая – Праведной Гликерии девы, Новгородской (1522). Преподобного Евфи-мия Иверского (1028) (Груз.). Преподобного Макария Глушицкого (1462). Преподобного Тарасия Глушицкого (1440).

27 мая – Мученика Исидора (251). Ярос-лавской (Печерской) иконы Божией Матери (1823).

28 мая – Преподобного Пахомия Велико-го (348). Благоверного царевича Димитрия, Угличского и Московского (1591).

29 мая – Преподобного Феодора Освящен-ного (368). Преподобных Кассиана (1537) и Лаврентия (1548) Комельских.

30 мая – Апостола Андроника и святого Иунии (I). Преподобной Евфросинии, в миру Евдокии, великой княгини Московской (1407).

31 мая – Мучеников Феодота Анкирского и мучениц семи дев: Александры, Текусы, Клавдии, Фаины, Евфрасии, Матроны и Иулии (303).

Адрес издания: literator35.ru Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru Издание подготовлено к печати при поддержке депутата ГД РФ Е. Б. Шулепова.	Главный редактор А. А. Цыганов. Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Барков, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина. Редакция в перепisku с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.	Тираж издания 1000 экз. В розницу цена свободная. Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.	Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1262. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 30.05.2017 г. в 12.00. Выход в свет – 30.05.2017 г.
---	---	---	---